

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5685678>

Конец Клятвы

Направленность: Джен

Автор: [julia_monday](https://ficbook.net/authors/38718) (<https://ficbook.net/authors/38718>)

Фэндом: Толкин Джон Р.Р. «Сильмариллион»

Пейринг или персонажи: Маэдрос, Маглор, Нэрданель, Мириэль, Финрод, Финарфин, Эонвэ, НМП, НЖП

Рейтинг: G

Жанры: Драма, Фэнтези, AU

Предупреждения: **Элементы гета**

Размер: Макси, 80 страниц

Кол-во частей: 11

Статус: закончен

Описание:

А что, если бы Маэдрос согласился на уговоры Маглора и они отправились бы в Валинор за Сильмариллями? Достигнут ли они Конца Клятвы?

Название взято из черновиков Толкина, одна из "главок" в Квэнте Сильмариллион названа "Конец Клятвы".

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Корабль. Белегаэр.	3
Альквалондэ	8
Тирион	17
Корабль. Эльдамар	30
Башня Эльвинг	33
Дом Вайрэ	41
Тирион	51
Дорога в Валмар	58
Валмар	65
Маханаксар	71
Валинор	83

Корабль. Белегаэр.

Белое дерево чуть поскрипывало под его тяжелой железной перчаткой, даже слегка прогибалось – и Маэдрос убрал правую руку с планшира, еще не хватало здесь сломать что-нибудь! И тут же усмехнулся: как глупо. Эти хрупкие на вид доски, эти тоненькие веревки легко выдерживали мощь морских волн. Он бывал гостем в Альквалондэ, ходил в открытое море, еще до того, *последнего* раза. Хотя, наверное, не последнего, раз уж он здесь?..

Левой рукой он все так же крепко держался за планшир, вспомнилась давняя привычка, приобретенная за долгий путь в Эндор. Те, кто не делал так, часто оказывались за бортом и редко выплывали. Рядом мелькнула чья-то тень, Маэдрос оглянулся: молодой телеро отшатнулся, поспешно отведя взгляд, и преувеличенно старательно занялся такелажем. Маэдрос усмехнулся, но усмешка вышла совсем невеселой: неизвестно, что хуже – наткнуться на того, кто видел тебя с окровавленным мечом в руке или на того, кому ты известен с детства по страшным рассказам? Что-то еще будет в самом Валиноре! Косые взгляды, злой шепот за спиной или открытая враждебность. Может быть, зря он согласился тогда...

- Если некому освободить нас, воистину, Вечная Тьма будет нам уделом, сдержим мы свою клятву или нарушим ее; но меньшее зло сотворим мы, если нарушим.

Он помедлил с ответом. Эти мгновения длились как целые эпохи.

- Ты прав, Макалаурэ. Я согласен.

- Вовсе не зря, брат.

Маглор подошел так тихо, что он, погруженный в воспоминания, не слышал его шагов. Маэдрос вскинул голову в удивлении – сейчас он закрыл разум ото всех.

- Просто я слишком хорошо тебя знаю, Нельо, - усмехнулся Маглор. – Ты хмуришься, смотришь на Закат и вцепился в эту доску так, будто это орочья шея. Нетрудно понять, о чем ты думаешь и в чем сомневаешься.

- Будто бы ты не сомневаешься, Кано, - сказал Маэдрос, не очень довольный тем, как просто его раскусили.

- Я смирился с любым исходом, - тон Маглора был неожиданно легким, и Маэдрос сразу ему поверил. – Все лучше, чем новое... Убийство Родичей.

Маэдрос поморщился: он знал, как называют эти три битвы в Средиземье, как пишут в хрониках, но сами они никогда не говорили о них так. Битва за Корабли, Битвы за Сильмариль... только цель важна, а какие ради нее будут использованы средства – не имеет значения.

По крайней мере, так они считали до сих пор.

Но он уже давно начал сомневаться в этом.

- А что сказал бы отец? – это был веский аргумент и вечный вопрос. Хотя ответ на него Маэдрос знал.

*Ни право, ни милость, ни помощь стали,
Ни Судеб владыка их не избавят
От гнева Феанора и сынов Феанора...*

...Свято клянемся...

...услышь же, Эру Создатель!

Похоже, Маглор вспомнил о том же, но быстро сказал:

- А что сказал бы Всеотец? Да-да, именно так, ты не ослышался, брат! Я думаю об этом, и я думал об этом, когда говорил об отречении от клятвы.

- Творец непостижим и недостижим, - медленно проговорил Маэдрос. – Так нас учили...

- Учили... - эхом отозвался Маглор. – Но правда ли это?

- Но все равно - это означает переложить решение на других, - твердо сказал Маэдрос. – Я давно уже привык полагаться только на себя.

- Иногда следует ломать старые привычки, - тихо заметил Маглор и умолк. Молчал и Маэдрос. Теперь он смотрел не на море, а вверх, на крупного альбатроса, распахнувшего свои крылья над мачтой.

Эонвэ тоже плыл на этом корабле, но говорить «плыл» о маяе можно было разве что в самом общем смысле. Часто он, необлаченный, взлетал выше всех мачт, и тогда всех на корабле обдавало запахом свежей хвои. Иногда же он оборачивался птицей – альбатросом, чайкой или орланом-белохвостом – и парил в вышине, оглядывая сверху морскую гладь и белые корабли. Птица эта была больше обычных, земных птиц, и ее окружала легкая золотистая аура Высшего духа. Многие майяр любили принимать облик животных и птиц в Валиноре. Еще маленький Майтимо спрашивал некоторых, зачем они так делают, и они смеялись и говорили, что разнообразие тел дает им новые ощущения, помогает найти новые идеи и стать ближе к Воплощенным.

Говорили еще, что в виде животных майяр легче сражаться и убивать. Сам Эонвэ, правда, не делал этого – его, верховного полководца, должны были видеть в эльфийском обличье, но другие майяр, пришедшие с ним, оборачивались животными не раз. Однажды Маэдрос с небольшим отрядом (Маглор тогда остался на Амон Эреб) встретился с большой стаей волколаков, многие из которых, как говорили, были потомками ужасного Кархарота. Волколаки учуяли эльдар и бросились в погоню. Силы были явно неравны, на каждого эльфа приходилось не меньше пяти тварей, а они были куда больше и опасней обычных волков. Эльфийские кони, многие из которых были обычных средиземских пород, проигрывали в скорости бестиям Моргота, и Маэдрос

приказал скакать к недалеким скалам, покрытым густыми кустами, там развернуться и принять бой – схватка на равнине была равносильна гибели, их бы окружили и уничтожили. Черные твари, ростом почти что с лошадь, были опасными противниками, но Маэдрос лишь крепче сжал рукоять меча, дернув углом рта: он не поддавался страху, в сражениях рубясь в самой гуще, и сейчас тоже был спокоен. Но тут откуда-то (Маэдросу показалось – прямо из лесного тумана) перед волколаками вынырнула стая огромных белоснежных собак, майяр Оромэ. Мощь столкновения айнур была ужасна, воздух наполнил вой на пределе слышимости, который чувствовали не столько уши, сколько самое тело, содрогавшееся от пронизавшей его энергии. Ужас охватывал сердце, Маэдрос, давно привыкший к боям и виду самых страшных чудищ, даже прикрыл на мгновение глаза, объятый страхом, хотя он сам вместе с товарищами уже был далеко от схватки, под прикрытием кустов и скал, и сражающиеся, кажется, совсем забыли о них. Он устыдился своей слабости, но, открыв глаза и оглянувшись, увидел, что другим пришлось еще хуже, одни приседали, зажимая уши, другие упали на землю, стараясь вжаться в нее, а некоторые, особенно молодые, рожденные в Средиземье, даже бежали прочь и вернулись, полные стыда, намного позже.

- Бдит, - вполголоса сказал Маэдрос брату. – Охраняет... свои сокровища.

- Думаю, ты не нас имеешь в виду, - невесело улыбнулся тот.

- Уж конечно, - буркнул Маэдрос, теперь обратив взгляд на белую палубу. Ни единого лучика света не проникало сквозь нее, но именно там, в небольшой каюте, в простой деревянной шкатулке без всяких узоров, лежало главное сокровище Валинора и Эндора – Сильмарили.

Тогда, в Эндоре Маэдрос и Маглор были далеко от Ангбанда в день, когда Моргота, наконец, повергли ниц и сняли Железный Венец, но Белерианд полнился рассказами об этом великом событии. Говорили, что Моргот был загнан в угол и не стал сражаться, хотя был еще силен, а сам униженно пал на колени и молил о милости. Но немного милости оказали ему, надежно связали цепью Ангайнор, притянув голову к коленям. Затем мастера занялись Венцом, но понадобились долгие усилия многих майяр Аулэ и их помощников - аулендилей из валинорских нолдор, - чтобы вынуть оттуда Сильмарили. Они поддались лишь молотам и лезвиям из небесного железа, прибывшего в Арду из-за пределов Кругов Мира. Потом Эонвэ принял их и скрыл в шкатулке, в своем шатре, вокруг которого выставили надежную стражу. Прибывшим сыновьям Феанора, которые высказали свое согласие отправиться в Валинор на суд Валар, Эонвэ предложил взглянуть на Сильмарили.

- Ну надо же, какая милость, - скривился тогда Маэдрос. – Распоряжаются тем, что наше по праву, и мы должны, как нищие у ворот, вымаливать разрешение хотя бы взглянуть одним глазком на свое наследие.

- Ты как пожелаешь, а я буду смотреть, - немного резко сказал Маглор. – Это великая радость – видеть Камни нашего отца свободными от черных оков. И я так давно не видел их близко...

- Ладно, идем, - нехотя согласился Маэдрос.

И не пожалел о своем решении.

Последний раз он видел Сильмарили давно, в Ангбанде, и тот раз – единственный, ибо лишь раз Моргот пожелал видеть пленника – был для него мукой, еще одной пыткой жестокого Врага. Тогда Сильмарили едва мерцали, задыхаясь в черных оковах Венца, и последние капли света великих Древ не могли разогнать сгустившуюся в подземельях тьму. Он тогда все же сделал к ним шаг, другой, несмотря на своих стражей, державших его цепи, но был остановлен и вскоре Моргот повелел увести его на скалу и больше не встречался с ним.

Но в шатре Эонвэ Сильмарили стали другими. Не совсем такими же, как были в Валиноре – слишком много горя и бед произошло с тех пор – но и не злосчастными пленниками в оковах. Они, казалось, отдыхали от пережитых испытаний, испуская нежные, еще не слишком яркие лучи. Маэдрос окунулся в этот свет, будто в теплую воду, и вдруг ощутил то спокойствие и умиротворенность, что испытывал в детстве – да и потом тоже – в присутствии матери. Ему казалось, что из глубины Камней на него смотрят мягкие, светло-карие глаза Нерданели, чуть грустные, но ласковые и ободряющие.

«Мама», - позвал он мысленно и вдруг понял, что его слышат. Чувство это было мимолетным и вскоре ушло, но он был уверен, что это не было самообманом, и от этой уверенности на душе у него стало немного спокойнее.

Он вышел из шатра, и свежий воздух быстро разогнал наваждение. Мама? Да, она осталась там... осталась с другими вернувшимися, с теми, кто не пошел за Феанаро. Она бросила их всех. Валар оказались для нее дороже мужа и детей. Даже сейчас, даже сейчас он в глубине души ждал, что она окажется на одном из кораблей – но ее не было. Мама... Не о ней надо вспоминать, а об отце! Об отце и клятве.

Но воспоминание о взгляде матери притаилось в одном из самых скрытых уголков души.

К большому удивлению братьев Эонвэ объявил им, что они могут смотреть на Сильмарили в любое время. Маэдрос усмехнулся, услышав это дозволение.

- Быть может, нам будет разрешено и прикоснуться к нашим Камням? Взять их? – в самой глубине его насмешки вдруг мелькнула отчаянная надежда – а что если Эонвэ ответит «да» и можно будет исполнить Клятву без крови и раздора?

Но Эонвэ лишь покачал головой.

- Нет, Нельяфинвэ Феанарион. Не могу этого дозволить без разрешения Владык.

Маэдрос сам согласился отправиться на суд Валар – и ему оставалось лишь промолчать.

Вот и теперь он думал о Сильмарилях, таких близких – и таких недостижимых. Вокруг них нет стражи, можно просто подойти и взять, и объявить своими, и тогда Клятва будет исполнена.

Нет, тогда нельзя было соглашаться на этот суд. Тогда нужно было взять их еще в Средиземье и бежать с ними, сокрыться в чащобе леса или в дальней пещере, в самом глубоком подземелье, где их никто бы не нашел и не отнял...

Стоп. Кажется, *кто-то* уже скрывался в подземелье с Сильмариллями. Неужто он уподобляется Морготу?

Да что же это такое, что за глупость он себе придумал! С кем себя сравнивает! Раскаяние, о котором говорили эти Валар в Валиноре и о котором говорят их слуги сейчас? Пустое слово! Пусть каются слабые! Зачем он только согласился с братом! Теперь им предстоит лишь унижения, а Клятва не будет исполнена и он уйдет в Вечную Тьму. Но слово надо держать и сейчас, а он дал слово прибыть в Валинор на суд.

Планшир все же слегка треснул под хваткой руки – живой, не железной – и Маэдрос, круто обернувшись, ничего не сказав удивленному Маглору, быстро отправился в свою каюту, чтобы остаться в одиночестве.

Альквалондэ

Альквалондэ встретила их в сиянии вечера, который здесь, на Западе, был куда более ясным и светлым, чем в Средиземье. Солнечная ладья медлила над любимыми землями и плыла так неспешно, что ее можно было счесть стоящей на месте. Лунная ладья начинала выходить из-за края, собираясь отправиться в путь, и тоже не спешила, не в силах расстаться с Солнцем. Их лучи смешивались, лучи Солнечного плода и Лунного цветка, и это было похоже на час Смешения Света, что последний раз был так давно.

И непохоже. Давно погибли Древа, а их наследники были слабее и тусклее, затемненные ядом, отягченные смертью. Этот свет был радостен, но нес и печаль, был светом надежды и в то же время светом угасания. Дома Альквалондэ казались странными теперь, в этом новом свете, ведь они привыкли видеть их в свете голубых ламп. Впрочем, лампы все так же висели на своих местах, а светились, видимо, только по ночам.

Их корабль пристал не первым, несколько лебедей обогнали его и теперь покачивались на воде у причалов. Эонвэ, облаченный сейчас в тело эльфа высокого роста и стати, одетый в доспех, плечи которого опушали орлиные перья, первым шагнул с борта корабля на деревянный причал, одним мягким бесшумным шагом. У пояса его висел длинный меч в ножнах, а на сгибе правого локтя он нес шкатулку с Сильмарилями. Маэдрос знал, что Камни будут доставлены в Валимар, а они с братом будут вольны идти куда угодно и явиться в Валимар лишь тогда, когда будут призваны на суд.

Камни звали за собой, но Маэдрос совсем не хотел выглядеть гончим псом, что бежит за мясной приманкой, нет, такое поведение не пристало сыну Феанора!

Он нарочито выждал долгое время, пока с корабля сходили свита Эонвэ, которую возглавлял принц Ингвион с белым знаменем в руках, моряки, пока не начали уже сгружать припасы, и лишь тогда подошел к борту и шагнул на причал.

Порт жил своей жизнью, кипучей и разнообразной, как всегда. Один за другим причаливали корабли с воинами Валар, златокудрые ваниар спрыгивали на деревянные причалы или прямо на песок, их встречали другие – в основном, женщины и дети, моряки тоже обнимались с женами, ждущими их на берегу, и радостно кричали приветствия друзьям и соседям, хлопали паруса, весла стучали о борта, вода с шумом набегала на песок, а в воздухе звенели чайчьи крики.

И вдруг наступила тишина. Даже ветер, казалось, замер, даже чайки перестали перекликаться над морем. Только море плескалось – оно, вечно непостоянное, было и вечно равнодушным, ему не было дела до радостей и печалей земли.

Сыновья Феанора ступили на берег.

Эонвэ и его свита были далеко впереди, все, кто встречал их, тоже разошлись, и около корабля остались одни тэлери. Тэлери не угрожали сыновьям Феанора, они расступились, давая братьям дорогу, ни один даже не поднял руки, они лишь смотрели. Эти взгляды были спокойными, но не равнодушными, они были тяжелыми, хотя и безгневными, в них не было жажды мести, не было боли, разве что печаль. Тэлери

расступились, давая сыновьям Феанора дорогу. Маэдрос сделал шаг – и этот шаг дался ему тяжело, будто до этого он прошагал сотню лиг без отдыха.

- Мы не стали бы убивать их, если бы они уступили нам, если бы не стояли на пути!

Вот никто и не стоит на пути, но почему идти так трудно?

Маэдрос сжал зубы. Нет уж! Он не боялся ехать в Ангбанд на переговоры, не боялся идти в пыточную, не боялся скакать в гущу битвы. Он не испугается и здесь.

Но почему так тяжело дается каждый шаг?

- Майтимо!

Оглушающая тишина рассыпалась осколками, с плеч Маэдроса упал весь Тангородрим. Он обернулся на знакомый голос.

- Эльданаро!

- Но ты же?.. – Маэдрос с удивлением поглядел на старого друга. Память сыграла с ним странную шутку, он помнил, что Эльданаро, старый товарищ его детских игр, остался в Валиноре, но почему он остался – это как-то затуманилось, затерялось...

Феанаро scomандовал: «Занимайте корабли!» и они с удивлением стали переглядываться. Занимать корабли? Но ведь тэлери отказались их давать? Что это значит? Просто занять их? Взять силой?

Феанаро не дал им много времени на размышление и первый пошел вперед. Они, его сыновья, тут же двинулись следом, а за ними – другие, темный поток железа, черный прилив, заливающий белые корабли.

Тэлери, стоявшие на берегу, тоже не сразу поняли. Маэдрос слышал, как кто-то из них громко спросил: «Король отдал корабли?» И тут же несколько голосов ответили: «Нет! Не отдадим и мы!» Тут же в руках тэлери появились луки и они стали стрелять... Стрелы отскакивали от доспехов и щитов, но не все. Вот стрела впиалась в незакрытое лицо, вот доспех оказался не так уж и прочен. Нолдор закричали – гнев и ярость были в этом крике. И боль. Многие вынули мечи. Кто-то закричал: «Это смерть!»

Эльданаро и его младший брат Аранаро шли недалеко от Маэдроса. Маэдрос краем глаза видел их, видел, что Аранаро вынул меч, а Эльданаро – нет. И вдруг совсем рядом пропела стрела. Эльданаро кинулся вперед – и поймал стрелу, посланную в брата. Поймал своим телом.

Позже они собрали павших – их было много, хотя тэлери было еще больше. Были споры, что делать с телами, кое-кто даже предлагал забрать их в Эндор. Но решили по-другому, на берегу, уже далеко от Альквалондэ, в пустынной местности недалеко от гор всех

мертвых сложили в курган, и сам Феанаро спел над ними тут же сочиненную погребальную песнь.

Аранаро тоже погиб, уже в Эндоре.

- Да, я погиб тогда, все верно, - Эльданаро улыбнулся, и тут Маэдрос заметил, каким он стал – как будто не совсем материальным, и да, от него, казалось, исходило легкое золотистое свечение.

Так, значит, возрождение за Морем – это не просто надежда.

Маэдрос слышал, что об этом говорили некоторые ваниар в войске Эонвэ, но сам почему-то почти не верил в это. Он слишком хорошо помнил, что Мириэль, первая умершая в Валиноре, так и не возродилась. Он думал, что это просто разговоры, просто утешение для тех, кто потерял родных и друзей. Но – вот же тот, кто умер и воскрес.

Значит, быть может, и остальные?..

Он задохнулся от этой мысли. О судьбе отца он знал точно: Эонвэ сообщил, что он в Мандосе и пребудет там до Конца Арды, здесь надежды не было. Но братья? Фингон? Дети Финарфина, к которым он испытывал теплые чувства, особенно к старшему, Финроду? Друзья и соратники, погибшие здесь и в Эндоре?

- Много ли таких, как ты? – спросил он Эльданаро, еще не решаясь на конкретные вопросы.

- Как сказать, - задумчиво ответил тот. – Среди тэлери – многие, хотя и не все. Появляются и те, кто никогда не жил здесь, уроженцы Эндора. Нолдор... нолдор не так уж много. И это те, кто следовал за Нолофинвэ, или родился на том берегу. наших – почти никого.

Маэдрос опустил голову. Намо был суров тогда. «Долго вам пребывать там и тосковать по телам...» Не стоило и надеяться на многое. Жаль, он мало поговорил с Арафинвэ еще там, в Эндоре, узнал бы больше. Но тогда он думал только о Сильмарилях и отце.

- Но лучше будем говорить об этом не на улице, Майтимо... Макалаурэ, - Эльданаро улыбнулся. Идемте ко мне! Или вы пойдете сразу в Тирион?

- Постой, - Маэдрос нахмурился, - ты разве живешь не в Тирионе?

- Нет, - покачал головой Эльданаро, - я живу здесь. Но это долгая история. Идемте!

И они пошли по узким улицам Альквалондэ, и вскоре алмазная пыль осела на истрепанных плащах сыновей Феанора, а некоторые пылинки попали и в их волосы, и Маэдрос, оглянувшись на Маглора, слегка усмехнулся: будто жених идет на свадьбу! Наверное, и он сам не хуже! Да, и сейчас их родина сильно отличалась от Эндора, где не было подобного великолепия. Интересно, что сказал бы гномий владыка Азагхал, попади он сюда?

«Богачество, конечно, знатное», - заскрипел в воображении голос старого гнома, - «да только если драгоценных камней так много, то они ничего не стоят. Самое ценное тогда – работа ваших рук...»

Да, творения рук. Сильмарили. Снова они! Маэдрос нахмурился: от светлых мыслей о Возрожденных он опять перешел к Камням. Нет, сами они – прекрасное творение, но сколько принесли горя и невзгод!

Тэлери, когда видели их с Эльданаро, почти не обращали на них внимания, и теперь Маэдрос не шел, как будто под градом стрел. Он смотрел на белые стены домов, на искрящиеся жемчужины, которые то тут, то там украшали город мореходов, на зажигающиеся на улицах и в окнах лампы. Он вдыхал воздух, легкий воздух Валинора, и понимал, что впервые за долгое время дышит полной грудью. Он уже и забыл, каково это – идти по мирному, тихому городу, которому не грозят ни орки, ни чудовища, ни огонь.

«Огонь, что мы принесли их кораблям».

Он не поджигал корабли, но разве тэлери это знают? Для них он все равно – преступник. Ну что ж! Маэдрос не собирался ни перед кем опускать голову.

Наконец, они дошли до небольшого домика светло-песочного цвета. Эльданаро, открывая калитку, задел маленькие колокольчики, и они зазвенели, приветствуя хозяина. Навстречу из двери вышла женщина в светло-голубом платье, другая, как заметил Маэдрос, сидела на плетеном стуле в саду и лишь посмотрела в их сторону, но не оторвалась от вышивки.

- Эариллис, моя жена, - представил подошедшую к ним женщину Эльданаро.

Эариллис учтиво поздоровалась, и Маэдрос понял по ееговору, что она из тэлери, хотя и говорили они сейчас на квэнья. Она пригласила гостей в беседку, оплетенную плющом, принесла им бутылку вина и фруктов, и оставила одних.

Маэдрос снял тяжелый плащ, который выглядел здесь явно неуместно – было тепло, хотя в Эндоре стояла зима, но в Валиноре времена года были малозаметны, и откинулся на спинку стула, прикрыв глаза. Если немного постараться, то можно представить, что не было этих лет и веков, этих трудов и войн, этих потерь и поражений. И он снова сидит в гостях у друга и собирается обсудить с ним новый способ огранки алмазов.

Последний луч солнца угас и на небе остался лишь бледный месяц, потерявший свою возлюбленную. Нет, это не древний Валинор времен расцвета, и никогда ему не вернуться... Надо жить дальше ради новых трудов и побед.

- В Мандосе нет мучений, кроме тех, что остались в воспоминаниях, - сказал Эльданаро тихо, и Маэдрос вздрогнул. – Сам Владыка никого не мучает, не наказывает. Там нет почти ничего, кроме тебя самого и твоих мыслей. Сначала рвешься, пылаешь, стараешься пробить каменные стены – кажется, что там есть стены, - стонешь от смертной боли, но потом все утихает. Я думал долго – о многом думал. О том, что мы хотели сделать. Но я

не хотел.

- Мы это сделали, Эльо, - тяжело сказал Маэдрос.

- Да, я знаю, - ответил Эльданаро.

- Мы добились, чего хотели, - сказал Маэдрос. – Свободы, Эндорэ, борьбы с Врагом.

- И это я знаю, - ответил его старый товарищ, - и вы многое сделали, чтобы победить Врага. Без вас это было бы труднее.

- Ты так думаешь? – удивился Маэдрос. Он был уверен, что в Валиноре их войну считают ничего не значащим копошением, и все, кто остался здесь, думают именно так. В конце концов ведь Моргот едва не передал их всех поодиночке, а одно из последних свободных поселений эльфов и людей они разорили сами.

- Я это знаю, - ответил Эльданаро серьезно. – Это знают все здесь.

Маэдрос промолчал. Он так долго привык думать, что их здесь, в бывшей родной земле, презирают и пытаются принизить, что ему было трудно поверить в обратное.

- Но в Мандосе я долго думал и решил, что мы были правы, но нельзя было брать корабли силой. Да, честно говоря, в тот последний момент я не хотел брать в руки меча. Я только хотел спасти Арьо...

- Ты спас его. Но он погиб, - сказал Маэдрос.

- И это знаю, я встретился с ним там, - Эльданаро вздохнул. – Ему было тяжелее, он был в крови друзей и врагов. И он все еще там, - он вздохнул еще раз. – Но я вышел оттуда, наконец – на руках моих не было ничьей крови и я жизнью своей спас другого. Владыка Намо определил мне лишь небольшой срок ожидания. Но когда я вышел... понял, что в Тирионе остаться не могу – слишком много воспоминаний и мало жителей. Валмар же был слишком светел для меня. Вот я и пришел сюда, хотя мне и было тяжело. О, тэлери не выгоняли меня, но смотрели – так...

Маэдрос кивнул. Он понимал, как смотрели тэлери на одного из погибших в той битве.

- Но я уже не боялся взглядов. Я все продумал и прочувствовал там – в Мандосе. Там я впадал в отчаяние, сгорал от стыда, мучился виной. И когда я понял, что нужно простить себя и других, и помочь пострадавшим, чем можешь – тогда я и смог вернуться к жизни.

Он немного помолчал и продолжил:

- Я долго шел к тому, чтобы меня приняли здесь. Помогал в любой нужде, работал, не покладая рук. Сначала меня сторонились, не доверяли. Потом привыкли. Я встретил Эариллис – и она помогла мне. Я стал своим здесь. Я научился ходить по морю, рыбачить, петь на берегу. У меня родилась дочь. Я врос корнями в этот город. Я простил, и меня простили.

Эльданаро взглянул прямо в глаза старому другу, такому изменившемуся за эти годы.

- Никакая вина не вечна, Майтимо.

После разговора с Эльданаро они остались ночевать в его доме. Братья попросили оставить их в одной комнате, и Эариллис с дочерью принесли туда два тюфяка с мягким пухом морских птиц и белые простыни из шелка. Светло-коричневые покрывала были из шерсти, по ночам на морском берегу бывало прохладно.

Маэдрос сидел на своем тюфяке, поджав ноги, ожидая Маглора из купальни. Маглор вернулся с мокрой головой, и Маэдрос чуть усмехнулся: братец не преминул выкупаться, как был чистюлей и щеголем, так и остался. Хотя в последнее время в Эндоре им нечасто выпадал случай даже спокойно помыться в речке – не говоря уже о теплой воде и чистых полотенцах. А он сам – он сам почему-то не хотел нежиться здесь, почему-то не желал смывать грязь и пыль Эндора с себя. Как будто думал, что так он смоет с себя прошлую жизнь. Хотя... быть может, дома, в Тирионе...

- Значит, из наших родичей вернулся только Артафиндэ, - сказал он, вспоминая разговор с Эльданаро, когда тот рассказывал им о Валиноре в нынешнее время. – Интересно, что Арафинвэ не сказал об этом, когда мы разговаривали с ним на том берегу.

- Слишком короткий был разговор, да и не до того нам было, - ответил Маглор. – Мы все думали о Сильмарилях, а не о родичах.

- Упрекаешь? – вскинул бровь Маэдрос.

- А что утаивать, если это чистая правда? – хмыкнул Маглор. – Мы ведь только о Камнях и думали тогда.

- И сейчас надо думать, - жестко сказал Маэдрос. – Еще ничего не решено.

- И неизвестно, когда решится, - вздохнул Маглор. – Куда дальше, брат? В Тирион?

- Конечно, - ответил Маэдрос. – Не сидеть же нам здесь, и без нас тут все поправили, уже давно.

- Ты думаешь о том, что сказал Эльданаро? – спросил Маглор. – Может быть, и мы должны...

- Должны что? – немного резко сказал Маэдрос. – Сидеть в Альквалондэ и каяться? Если мы согласились на суд, это еще не значит, что мы уже признали себя виновными!

Маглор нахмурился.

- Без признания наших ошибок и... преступлений все равно не обойдется, - сказал он

твердо. – Не упрекай меня в слабости! Я не менее горд, чем ты, но иногда нужно отбросить гордость, если этого требует долг.

Он смотрел на старшего брата с вызовом, и Маэдрос невольно улыбнулся – он вспомнил, как в детстве Маглор иногда возражал не только ему, но даже отцу. А это всегда было трудно, не только потому, что Феанор быстро впадал в гнев и с трудом терпел возражения, но и потому, что отец имел дар убеждать и приводить неотразимые доводы в доказательство своей правоты. А ведь оказалось, что отец тоже ошибался, и не раз, и последствия этих ошибок были ужасны...

- Ладно, братишка, - сказал он весело, поднимаясь и хлопая брата по плечу, - думаю, мы сумеем держаться достойно и здесь и без лишних унижений. А пока что – давай спать. Завтра мы едем в Тирион.

Маэдрос вытянулся на своей постели на спине и сначала просто смотрел в потолок, отпустив свои мысли на волю, предоставив им свободно течь, перескакивая с одной на другую. Он унесся мысленно к дням своей юности, когда мир казался таким новым и свежим, когда перед ним расстилалось множество дорог, когда он шел то по одной, то по другой из них, медленно или быстро, устремляясь к цели или оглядывая окружающий пейзаж. Так давно это было! Он вдруг вспомнил свои первые самоцветы, созданные в мастерской, ученические попытки, но тогда ему казалось, что они хороши... Он взял их и отправился к Древам, чтобы в них преломились лучи Светилен Валинора.

В лучах света Древ самоцветы заиграли разными красками, испуская собственные лучи, яркие и невыразимо прекрасные, и вдруг Маэдрос понял, что держит в руках Сильмарили.

Как они оказались здесь? Кажется, отец первый раз показал ему Камни, третьему, после Финвэ и Нерданели, и он задохнулся от восторга, он никогда не видел такой красоты, все прежние творения отца, все творения аулендилей, да что там – самого Владыки Аулэ – меркли по сравнению с этими самоцветами. На игру красок хотелось смотреть бесконечно, его будто затягивала внутрь сияющая бездна, и вдруг он понял – это не просто свет, это глаза, это лица, это души эльдар, всех эльдар, что были и будут в этом мире, да и не только эльдар, но и людей, это их сияние придавала свету такую красоту и силу, это была квинтэссенция самого лучшего, что есть в Детях Эру, и этот свет – не просто свет, это свет душ, отражение всего самого лучшего и прекрасного, что есть в них. Самые прекрасные мысли, прекрасные поступки – все это было в свете Сильмарилей, они все улавливали, смешивали в себе и излучали вновь – и потому были так прекрасны сами. Маэдрос краем глаза уловил нечто знакомое и, взглядевшись пристальней, увидел картинку – смеющийся Эльданаро на носу небольшого белого корабля, одной рукой он держался за вант, другой же обнимал свою жену, тоже улыбающуюся. И Маэдрос понял, что видит один из самых счастливых моментов жизни своего друга – и это был не кровавый подвиг, не обладание сокровищем, не месть, не исполнение клятвы – а радостный труд и супружеская любовь.

Женщина обернулась, посмотрев прямо в глаза Маэдросу – и он вдруг понял, что видит

почти незнакомое, полузабытое лицо, молодое, кажется, это была даже не эллет – женщина из людей? Где он видел ее и когда? Она смотрела куда-то вдаль, улыбаясь – и вдруг глаза ее загорелись радостью, и она засмеялась от счастья – такой смех обычно бывает, когда увидишь любимого – но кто он? И кто она?

Лицо женщины вновь изменилось – и теперь это снова была Нерданель, его мать. Она смотрела прямо в лицо сыну и улыбалась – и в улыбке этой было многое: радость встречи, печаль расставания, гордость и сожаление, а больше всего было любви. Да, она любит его – всех их, своих детей. Она ждет.

Когда Маэдрос открыл глаза от ночных грез, в широком окне, глядящем на море, на восток, едва алел такой далекий здесь рассвет. Он встал и огляделся – Маглора уже не было в комнате, его глубокий звучный голос доносился откуда-то из-за двери. Маэдрос быстро накинул на себя тунику и кафтан, пригладил волосы и вышел наружу.

Маглор разговаривал с дочерью Эльданаро, которая смотрела на него со сложной смесью восхищения, любопытства, робости и некоторого страха, хорошо скрытого под учтивостью. Маглор мягко смотрел на нее, улыбаясь, и расспрашивал про нынешние песни Альквалондэ. Она отвечала, хотя немного запинаясь, но со знанием дела, и оба так и сыпали разными музыкальными терминами. Девушка пропела несколько нот, и Маглор сказал:

- Красиво. А что это за песня?

- О, это из Плача о... простите, - дочь Эльданаро вдруг испуганно прикрыла рот рукой, взглянула на Маглора, который стоял с застывшей улыбкой и, развернувшись, убежала прочь.

Маглор вздохнул, глядя ей вслед.

- Догадываюсь, о чем был этот Плач. Прошлое преследует нас.

- Ну и хорошо! – с вызовом заметил Маэдрос. – Хуже было бы, если бы мы забыли о нем!

Маглор только покачал головой, но ничего не ответил.

Эльданаро не только накормил их завтраком, но и дал еды в дорогу, потому что путь от Альквалондэ до Тириона был не таким уж близким. Он также указал, где они могут взять лошадей – их свободные табуны паслись в лугах вокруг Гавани. Братья сердечно поблагодарили старого друга и отправились в путь, навстречу воспоминаниям.

В дороге они по большей части молчали, лишь иногда разговаривая о всяких пустяках. Маэдрос удивлялся тому, как мало изменений произошло в Валиноре за все эти годы. Краткие по счету эльдар, они вместили в себя столько событий, мыслей, чувств, что казались намного длиннее, чем предшествующие им беспечальные годы. Но Валинор, похоже, жил так же неспешно, как и раньше, и так же мало менялся, как и в дни своего

расцвета. Те же деревья росли по краям дороги, и даже, кажется, цветы не поменяли своих мест со времен ухода нолдор.

Те цветы, что не были растоптаны их обуемыми в железо ногами.

Маэдрос досадливо мотнул головой: что ни говори, а он постоянно возвращался мыслями к сожалению о прошлых мыслях и делах, как будто заразившись таким покаянным настроением от Маглора. Эдак можно было сразу идти в Мандос и просить Намо себя запереть на веки вечные! А им нужно было не предаваться сожалениям, а думать, как выполнить Клятву.

Дорога в Альквалондэ была знакома им так же хорошо, как путь от Королевской площади до Дома Феанаро, и Маэдрос, поглощенный мыслями, смотревший на землю перед копытами его коня, едва заметил, что они миновали большой скальный выступ, который носил название "Половина Пути", и, подняв голову, задохнулся от нахлынувших чувств – удивления, восторга, радости – он вновь увидел Тирион Белокаменный, Башню на Холме, город своего детства и юности.

Тирион

Город все так же высился на зеленом холме, венчая его плоскую вершину, будто корона. Его белые стены, сложенные из мрамора, слегка искрились на солнце, которое уже поднялось высоко над горизонтом. Выше всех возносилась Башня Ингвэ, Миндон Эльдалиэва, серебряный луч ее лампы был незаметен при свете дня. Свежий ветер раскачивал знамена на другой башне, что высилась над королевским дворцом. Крылатое Солнце Финвэ не было снято, как будто первый король нолдор никогда не покидал своего города и не остался ныне запертым в Мандосе. А рядом развевался Золотой Цветок Финарфина, нынешнего короля нолдор Амана.

Прошла уже половина дня, как они выехали из Альквалондэ, обычно в это время путники достигали небольшой реки, бегущей со склонов Туны, садились на ее зеленый берег и отдыхали, закусывая взятой из дому снедью. Но Маэдрос не хотел останавливаться и на вопрос брата об остановке только покачал головой.

- Я довольно уже задерживался в пути, - сказал он Маглору и тот только согласно кивнул.

Прошло еще четыре часа, прежде чем они добрались до подножия холма. Ариэн уже уплыла далеко на запад и начала клониться к Вратам Вечера, через которые уходила на ночной отдых. При виде Тириона у Маэдроса сдавливало грудь и перехватывало дыхание от множества воспоминаний и нахлынувших чувств. Когда-то он думал, что без сожаления оставит это место, потом вспоминал его, часто – помимо своей воли, иногда – во сне... Но теперь он понял, как ему не хватало этого города, этого первого памятника трудам нолдор, их умениям и изобретательности. Говорят, Гондолин был похож на него, но Маэдросу не довелось увидеть города Тургона даже в песнях менестрелей. Хотя он и встречался с выжившими гондолинцами, но никто не пел для него, разорителя Гаваней.

Они никого не встретили за время пути к городу, и Маэдрос вдруг почувствовал себя неуютно. Почти все нолдор покинули Тирион после призыва Феанора, немногие вернулись с Финарфином, но потом вновь покинули город – теперь уже воюя по воле Валар. Маэдрос знал, что и в Дагор Рут многие нолдор погибли, и, хотя им не грозило долгое заключение в Мандосе, не все вернулись и не все вернутся оттуда. Смерть – слишком страшное испытание для эльдар, не все могут выдержать его.

«Вы строили меня, вы оживили меня своими песнями, и вы покинули меня...»

Это говорил город, Тирион-на-Туне, Тирион Белокаменный. Это говорил он им, когда они уходили в Эндор, а они лишь шли, молча, не оглядываясь, и тогда город утонул в подзвездной тьме, только луч лампы Миндон Эльдалиэва провожал их. А теперь город молчал, и Маэдрос не знал, что сказать ему. «Здравствуй»? «Прости»? И потому он тоже молчал.

Они прибыли к воротам, которые стояли открытыми и возле которых не было ни души. Здесь братья спешили и отпустили коней, эльдар обычно ходили по Тириону пешком, разве что надо было привезти что-то тяжелое – камень для постройки дома, новую статую... Сыновья Феанора шли по широким пустым улицам, по хрустальным лестницам и

только серебряные колокольчики звенели под ветром, да птицы пели в зеленых садах. Дома вокруг стояли тихие, неосвещенные в подступивших сумерках – наверное, пустые, вдруг с содроганием подумал Маэдрос – сколько же их здесь, опустевших и покинутых, в которые никто никогда не вернется! Долгое время прошло, прежде чем они увидели первого эльда – это была эллет, что тихо шла вдоль серебряной ограды одного из домов. Она то ли не заметила их, то ли не хотела замечать – она просто шла впереди, не оборачиваясь, и братья не стали догонять ее. Маэдрос пристально вглядывался в женщину, хотя ее фигура и походка были ему незнакомы, его глодало какое-то смутное предчувствие, ему казалось, что он где-то и когда-то ее видел – или должен увидеть, или... Эти мысли были приятны и неприятны ему в одно и то же время. Женщина свернула в боковой переулочек, и он на миг увидел ее лицо – совершенно незнакомое. Странное наваждение рассеялось, и Маэдрос, хмурясь, постарался выбросить ее из головы.

- Куда теперь? – спросил его Маглор, когда они поднимались все выше, к центру города.
– В королевский дворец, к Арафинвэ?

Маэдрос мотнул головой.

- Нет. Это теперь – дом Арафинвэ, и мы, конечно, пойдем туда... потом. А я хочу вернуться домой.

- Где наш дом теперь? – вздохнул Маглор. – Но я понял тебя и согласен – идем в Дом Феанаро.

Феанор, женившись, не захотел жить во дворце с Финвэ и Индис, и их новорожденным сыном, да и, в общем-то, было в обычае, что женившийся сын отделялся от родителей и строил свой собственный дом. Феанор так и сделал, и выстроил себе дом в восточной части Тириона, что была немного выше западной, и откуда открывался вид на Калакирию и дальше – на море. Дом Феанора не был ни самым высоким, ни самым большим в городе, но был построен так соразмерно и так искусно украшен, что многие останавливались только затем, чтобы посмотреть на него, даже ваниар, жившие рядом с чудесами Валмара.

И Маэдрос вдруг вспомнил – он, совсем маленький, едва научившийся ходить, идет неуверенным шагом по зеленой лужайке, а перед ним стоит отец и, улыбаясь, подбадривает, а на крыльце, опираясь на балюстраду с восьмиконечными звездами, стоит мама и тоже улыбается, и порывается подойти и помочь, но не делает этого – он сам должен удержаться на ногах. А потом он сам учил братьев... Как был полон этот дом топотом ног и детским смехом!

«А где твой дом, Майтимо, сын Феанаро? Где твоя жена, твои дети?»

Эта мысль не первый раз приходила ему в голову. Но сначала была юность, когда все время мира было у них впереди, потом – Непокой, раздоры, уход из Валинора. А потом – война и клятва. Он принял свое главенство над родом тяжело, все силы у него уходили на то, чтобы править и воевать, вести себя достойно великого отца, первого среди нолдор, и не было у него времени всматриваться в девичьи лица. Иногда он думал – как

лучше: так или как Маглор, Карантир, Куруфин, чьи жены остались в Валиноре? Он отвечал на этот вопрос по-разному.

Сейчас он посмотрел на брата. Они идут к матери, но не думает ли брат и о своей жене, что осталась здесь? Интересно, где теперь Альдалотэ?

Маэдрос не стал спрашивать брата, слишком этот вопрос был болезнен. Ничего, Маглор заговорит об этом и сам, он был в этом уверен.

Еще несколько пустых улиц – лишь раз или два мелькнули впереди какие-то фигуры, мужские или женские, не разобрать, - и они увидели вдали башенку, увенчанную восьмиконечной звездой. Звезду Феанор сделал из сплава золота и серебра и так все устроил, что золото сияло при свете Лаурэлин, а серебро – при свете Тельперииона. Сейчас же, в свете уходящей Анар металл отсвечивал золотым, но далеко не так ярко, как при Древах. Интересно, сохранились ли самоцветы, что были выложены в круг на верхушке башни таким образом, что свет Древ падал на каждый из них в определенный час дня? Хотя куда бы они могли подеваться? Отец не забрал их в Форменос, а в Валиноре после бегства Моргота воров не водилось.

Маэдрос усмехнулся. Надо снова привыкать к беспечной жизни, в которой никто не нападет из-за угла и не надо выставлять часовых. Он надеялся, что это будет легко.

Они миновали еще несколько домов с темными окнами, и Маэдроса вдруг как будто окатила холодная волна. Сейчас он увидит такие же темные, невидящие окна в отцовском доме. Такими они были, когда они ушли в Форменос – ведь Нерданель ушла еще раньше, вернувшись в дом отца. А, собственно, почему он решил, что в этом доме, посреди почти пустого Тириона, сохранится свет и радость?

Но они сохранились. В двух самых больших окнах дома Феанора, выходящих на восток, в подступающих сумерках горели теплым голубым светом лампы.

Когда братья дошли до знакомого крыльца, они переглянулись, но ничего не сказали друг другу, боясь спугнуть этот теплый, ясный свет, этот знак возвращающейся надежды. Дверь из светлого, почти белого дерева, отворилась без скрипа и шума, и они ступили внутрь.

Маэдрос шел первым. Он не смотрел под ноги, тело само знало этот до мелочей знакомый путь. Лампа светилась в дальней комнате, там, давным-давно, отец и мать любили сидеть вместе по вечерам, то глядя в окно на прохожих, то разговаривая, а то и целуясь – впрочем, последнее Маэдрос только слышал.

Вот сейчас ему показалось, что он слышит шепот и даже тихий звук поцелуя в той, дальней комнате, где горела лампа. Он даже приостановился перед дверью, так что Маглор, идущий прямо за ним, чуть справа, едва не уткнулся ему в плечо. Маэдрос все же протянул руку к двери и открыл ее...

Это зрелище он уже ожидал увидеть и вместе с тем не совсем верил, что оно возможно. У окна вполоборота, так чтобы видеть и улицу, и дверь в комнату, уронив на колени позабытое, похоже, совсем не нужное шитье, сидела женщина. Женщина, знакомая Маэдросу с первого мгновения его жизни, с первого вдоха. Нерданель вздрогнула, посмотрела на двух своих гостей, протянула вперед руки ладонями вверх – но нерешительно, будто не зная, чего ожидать, от этих таких знакомых ей незнакомцев. Глаза ее были устремлены на них, и Маэдрос увидел в этом спокойном глубоком взгляде и любопытство, и толику страха – редкого гостя его отважной решительной матери – и яркую радость, и огромную, всепоглощающую, всепрощающую материнскую любовь.

- Мама! – Маглор, чаще всего державшийся чуть позади старшего брата, стремительно и решительно шагнул вперед, в широкий проем, где спокойно могли разойтись трое эльдар, но на втором шаге вдруг замедлился, запнулся и обернулся на Маэдроса. «Чего же ты стоишь?» - спрашивал его напряженный взгляд.

Маэдрос стоял почти на пороге, лишь немного переступив его. Он не выказал стремления шагнуть внутрь, но и не собирался уходить, он слегка расставил ноги, будто хотел простоять тут целую стражу, как часовой на посту. Не отрывая взгляда от глаз матери, он церемонно склонил голову.

- Госпожа мать моя, - сказал он негромко. Так обычно уже подростки обращались к матерям на церемонии Избрания Имени, а совсем выросшие – на свадебном обряде.

Плечи Нерданель слегка поникли, она уронила руки на колени. Маглор, чей взгляд, обращенный на брата, на миг будто заледенел, а потом он бросился к Нерданели, упал на одно колено и прижался лицом к ее ногам.

- Мама, - сказал Певец снова тем мягким голосом, что пел нежнейшие из своих песен.

Нерданель медленно погладила его по волосам, теперь она смотрела только на него, второго своего сына, и Маэдрос вдруг почувствовал себя будто замершим в оковах в ледяной пещере в полнейшем одиночестве – некогда такой была одна из его пыток в Ангбанде.

Но он сжал зубы и не двинулся вперед даже на дюйм. Он не будет сожалеть. Он не будет просить прощения, каяться, искать милости, как, кажется, решил сделать его слишком мягкий младший брат. Он помнит все – то, как решительно Нерданель оставила дом своего лорда-мужа и ушла к отцу – дело неслыханное среди эльдар, то, как непокорно она отказалась следовать за Феанором в Эндор. То, как она предала их всех.

Он сжал зубы. Он не поддастся слабости – как и тогда, в Ангбанде.

- Мы голодны, мама, - подняв лицо, вдруг просто сказал Маглор, как будто они, еще мальчишки, вернулись с далекой прогулки к подножию Пелори.

Ужинали они в своей же старой столовой, за большим столом, где когда-то свободно

помещались и Феанор с женой, и семеро их отпрысков, и их невесты, и заходившие к обеду близкие друзья. Их было так много когда-то... Теперь осталось лишь трое, и обеденная зала казалась пустой и гулкой.

В старом светильнике, выкованном Феанором еще в бытность его ученичества у Махтана в подобию двух открытых ладоней с пальцами-чашами, сияло лишь три кристалла. Что ж, Нерданель, должно быть, точно знала о двоих сыновьях – и об отсутствии единственного внука.

Нерданель приготовила небольшой ужин, плоские хлебы, холодную запеченную оленину, яблоки, бутылку легкого ежевичного вина. Маглор прибавил к ним припасы Эльданаро – копченого угря, три десятка креветок, лепешки и медовые сливы. Он сам с удовольствием ужинал, благо, что они не ели с раннего утра, но Маэдрос едва притронулся к кушаньям.

Он мучительно раздумывал о том, как начать разговор. Нерданель, конечно, знала о битве в Альквалонде и уходе кораблей – говорить ли о самом плавании, о причаливании к незнакомому берегу, о яром пожаре в Лосгаре? Или сразу начать с Битвы-под-Звездами, с гибели отца, с его последних дел и слов? Или рассказать о смерти братьев?

Нерданель, едва взглянув Маэдросу в лицо, пришла ему на помощь, как часто делала это в детстве.

- Я знаю многое из ваших путей в Эндоре, - сказала она. – О ваших делах, и правда, поются песни – даже здесь.

Маэдрос внутренне подобрался, как будто надевая невидимые доспехи и опуская забрало. Но, как и обычно, предпочел нападение защите.

- Наверное, поют об убийствах родичей, так? О нашем коварстве, о предательских нападениях, о стрелах в спину и похищении женщин...

Нерданель покачала головой.

- Не всегда, сын мой, - сказала она спокойно, но Маэдрос знал, что его слова задели ее за живое. – Много поют о ваших подвигах, доблести в битве, стойкости в бедах. О том, что вы бились до конца.

- Не совсем, - негромко сказал Маэдрос, но хотя в глазах матери был вопрос, он не стал пояснять.

- Нас проклинают здесь? – спросил он прямо. И так же прямо Нерданель ответила:

- Да, многие, особенно поначалу. Но есть и такие, что благословляют вас. Даже среди тэлери. Они встретили своих родичей здесь живыми и здоровыми, а иначе Моринготто уничтожил бы всех жителей Эндора еще пятьсот лет назад.

Маэдрос не нашелся, что ответить на это. Его не обвиняли, не поучали, не пытались

исправить, а лишь признавали достоинства и недостатки и принимали, таким, как он есть. Именно так поступают все матери.

Но не все матери покидают детей.

- Почему ты не ушла за нами? – задал он ей вопрос, что давно хотел задать, но тогда они даже не попрощались.

Нерданель на миг прикрыла глаза, казалось, что ей стало больно.

- Мне очень... очень хотелось быть с вами, - сказала она тихо. – Я хотела защищать вас, этого я желаю с самого вашего рождения здесь. Я всегда любила и люблю вас. Но этот уход, он был такой... неправильный, ненужный. Путь к искажению... На этом пути я потеряла бы себя, да и вас бы не спасла. Я не смогла.

Она закрыла ладонями лицо, и Маэдрос ощутил неловкость и страх – слезы матери были ужасны, это было хуже, чем если бы она проклинала и обвиняла. Маглор потянулся к Нерданели, обнял ее.

- Прости нас, мама, - негромко проговорил он.

- Простите и вы меня, - Нерданель вновь открыла лицо, слезинки блестели на ее щеках. Маэдросу тоже захотелось обнять ее, но он сдержался.

- Я... - он умолк. Не мог сказать: «Прощаю», не мог сказать: «Прости». Но все же потянулся к ней рукой, и их пальцы соприкоснулись.

- Я не жила здесь долгое время, - тихо сказала Нерданель. – Но когда пришла весть, я... я вернулась сюда, чтобы вы не нашли этот дом пустым, а окна – темными.

И Маэдрос сжал ее пальцы, а Маглор запел – тихо, вполголоса, запел старую песню, сочиненную им самим еще в Валиноре, песню сна и отдыха, что когда-то он пел младшим братьям, племяннику, а позже – приемным сыновьям. В ней говорилось о тихом времени, расцвете Тельперии, когда по улицам города гуляют влюбленные, а в воздухе тихо проплывают сны и грезы. Они залетают в окна и снятся всем спящим, и сны эти – только добрые, и в них сбываются самые сокровенные желания. А потом сны улетают обратно в Лориен, к своему Владыке Ирмо, но если проснуться и успеть схватить сон – он сбудется на самом деле. Но слишком сладка дремота, и эльдар витают в грезах, а потом пробуждаются и исполняют мечты, как умеют.

Маглор был искусен в ткани песен, и Маэдрос будто воочию увидел древний свет Тельперии и серебристые облачка-сны. И один из них подплыл прямо к нему, и он увидел зыбкие очертания женского лица. Но едва он попытался всмотреться в незнакомые черты, раздался тихий девичий смех, и сон улетел из его неловких рук...

Они провели в родном доме еще три дня, никуда не выходя – наступило время рассказов.

Маэдрос рассказал все про отца и братьев, без прикрас, без умолчаний, хорошее и плохое. Он видел, как Нерданели бывало больно от его слов, но она и сама просила не утаивать ничего. Но иногда она и улыбалась, и лицо ее вспыхивало радостью, все же ее муж и дети были из великих в Арде и совершили немало подвигов.

Иногда они сидели молча, просто рядом друг с другом, так бывало давным-давно, в детстве, когда их, сыновей Феанора, было лишь двое, а отец был занят в мастерской или уходил в путешествие. Эти вечера уносили Маэдроса в воспоминания прошлого, и он чувствовал, что на него снисходит покой. По ночам он, бывало, видел во сне Свет Дерев, а иногда и Сильмарили, и теперь их сияние было таким умиротворенным и благим, как в тот раз, когда он впервые увидел их в руках отца.

На третий день они втроем вышли после ужина на улицу, в тот час, когда Ариэн уже ушла за край Арды, а Тилион еще не появился. Маэдрос смотрел на северо-запад и вскоре увидел то, что ожидал.

- Эарендиль, - произнес он тихо.

- Да, верно, - отозвался Маглор. – Первый вестник надежды.

- И последний свет Сильмарилия, - сказал Маэдрос. – Помнишь, как дети смотрели на него?

- Дети... - негромко произнес Маглор. – Я думаю, мы должны принести о них весть.

Маэдрос молчал. Он уже думал о том же, но решиться было тяжело. Но и отступить было некуда.

- Должны, - наконец, сказал он.

- Башня Эльвинг стоит на берегу, - сказала молчавшая до тех пор Нерданель. – Добраться туда можно лишь морем.

Маэдрос усмехнулся, но совсем невесело.

- Не думаю, что тэлери дадут нам хоть один корабль.

- Обратитесь к королю, - сказала Нерданель после недолгого молчания. – Наверное, он поможет.

- Я уже думал об этом визите, - откликнулся ее старший сын. – И хотел встретиться с Артафиндэ, говорят, он вернулся.

Маэдрос помолчал еще немного.

- Решено, - сказал он наконец. – Завтра мы идем к Арафинвэ.

- Я останусь здесь, - сказала им Нерданель на прощание. – Останусь... и вас всегда будет встречать свет в окне.

- Спасибо, - Маэдрос наклонил голову, а углы его губ тронула улыбка – еще несмелая, еще страшущаяся самой себя – ведь так давно он решил, что не будет сожалеть ни о родине, ни о матери! – но уже появившаяся, уже получившая право на жизнь. У него снова появилась опора, то место, куда он мог вернуться и не оказаться в одиночестве.

Феанор когда-то поселился не то чтобы далеко, но и не слишком близко от королевского дворца, и теперь его сыновьям предстояло довольно долго идти, прежде чем они добрались бы до нынешнего жилища Финарфина. Они вышли с первыми лучами Ариэн, и прохладный западный ветерок овеивал их лица.

Маэдрос шел, задумавшись, почти не отмечая такую знакомую дорогу, когда вдруг Маглор тронул его за плечо.

- Смотри, Нельо, - прошептал он с какой-то робостью, почти страхом, и Маэдрос лишь сейчас понял, где они.

Когда-то на этой улице, которую называли Расписной, жили сплошь художники, многие из которых были друг с другом в родстве. Кто-то из них придумал нарисовать на стенах своего дома себя и домочадцев, и вскоре его примеру последовали другие. Один за другим дома украшались рисунками – вот веселая семья играет в мяч, другая – собирает плоды, третья - возится с собаками, четвертая занята важным делом – сообща учит еще совсем маленького ребенка ходить... Картины мирной и радостной жизни.

Жизни, которая исчезла.

Маэдрос знал эти семьи – почти все они последовали за Феанором, и дома эти частью опустели во время его изгнания из Тириона, и совсем никого не осталось здесь во время Исхода. Теперь дома стояли пустыми и тихими, без настоящей жизни, и только нарисованная на стенах – продолжалась.

Маэдрос вдруг понял, что это значит: «остаться лишь в памяти».

Это значит – останутся лишь тени на стене, и больше ничего.

Такого ли конца хотел Феанор, когда говорил, что песни о них будут петь всегда?

Расписная улица будто поменяла фокус зрения Маэдроса, теперь он смотрел на город, как на сборище теней, оживающих лишь в воспоминаниях – и это печалило и устрашало его. Когда-то давным-давно он побывал в Усыпальницах гномов в Ногроде, которые строили для своих мертвых в чреве горы целые дома и обставляли их утварью. Они мало отличались от настоящих, только были очень уж тихими, и пыль оседала внутри толстым слоем. Вот и теперь Тирион превратился в огромный склеп, его народ ответил на призыв

Феанора – и сгинул бесследно в Средиземье, оставив на родине лишь дома, что ныне превратились в кенотафы, пустые могилы, служащие памятниками погибшим. Прав ли был Феанор, когда призывал уйти?

Но все же они спасли в Средиземье многих.

Это признают даже те, кто остались в Валиноре, значит, их поход не был напрасным.

Как будто в ответ на эти его мысли улицы, прилежащие к королевскому дворцу, становились все более оживленными. Конечно, не такими, как раньше, во времена Финвэ, но все же и не походили на улицы с домами-призраками, через которые они шли так недавно. Похоже, оставшиеся в Тирионе нолдор предпочитали селиться поближе к королевскому дворцу.

Никто из встречавшихся братьям эльфов не проявлял к ним особого интереса, они ограничивались лишь обычными кивками-приветствиями. Маэдросу это пришлось по вкусу, он не хотел бы вновь идти под прицелами взглядов, как в Альквалондэ. С другой стороны, это наводило на мысль, что для Валинора сыновья Феанора со всеми их делами и мыслями не очень-то интересны. Это походило на высокомерие, и Маэдрос нахмурился и очередной раз пожалел, что вообще поддался на уговоры Маглора. Надо было забрать Сильмарили еще в Средиземье – и будь, что будет!

Наконец они добрались до Королевской площади, что простиралась на самой вершине Туны. При строительстве Тириона, эту вершину специально разровняли, чтобы получилась совершенно плоское поле. Здесь могли собраться все взрослые нолдор Тириона – и еще оставалось бы место для гостей. Когда-то давно здесь Феанор произносил свои речи об уходе...

Тогда площадь была погружена во мрак, светились лишь дымные факелы, а теперь она была залита светом Анар. Маэдрос поднял глаза – светло-серая громада дворца все так же сияла в лучах Плода Лаурэлин. Некогда нолдор и ваниар вместе строили это здание. Нолдор возвели стены и крышу, вырезали колонны и создали барельефы и статуи, а ваниар Пели над камнями, и с тех пор они слегка светились, отдавая направленные на них лучи. Дворец Финвэ был прекраснейшим зданием в Тирионе и не все дворцы Валмара могли сравниться с ним.

Вокруг дворца стояла низкая ограда из митриля в виде искусно выкованных цветов, которые очертаниями были очень похожи на настоящие. Ворота такой же работы высились посреди площади. Они всегда были открыты, что означало, что король готов принять любого гостя и выслушать его. Можно было бы и вовсе не ставить ограды, но это помогало упорядочить толпу эльдар, которых обычно было немало вокруг королевского дворца: кто-то приходил с просьбой или предложением, кто-то – с дарами, а кто-то и просто в гости.

Но так было во дни расцвета Тириона, а сейчас и здесь почти никого не было, поэтому скучающий привратник весьма обрадовался посетителям, хотя позже лицо его приняло несколько недоуменное выражение, он явно не узнавал сыновей Феанора, но они и явно не были похожи на нынешних жителей Тириона. Привратник был довольно молодым

эльфом, на взгляд Маэдроса – не больше трехсот солнечных лет от роду.

Маэдрос с некоторым злорадством наблюдал, как у привратника меняется выражение лица – от недоумения к изумлению с оттенком страха – когда они назвали свои имена. Но хоть и рожденный в дни упадка нолдор Амана этот эльф был выучен правилам учтивости, и он поклонился сыновьям Феанора и пригласил их войти, сказав, что король Финвэ Арафинвэ находится во дворце и, насколько ему известно, не занят сейчас чем-то особо важным.

- Финвэ Арафинвэ, - проворчал Маэдрос негромко, но так, что слуга все слышал. Он взглянул на сына Феанора довольно хмуро.

- Он примет вас в Солнечном Кабинете, - слуга посмотрел на братьев, - я провожу вас.

Маэдрос кивнул с благодарностью. Он хорошо знал дворец, но никогда не слышал о Солнечном Кабинете, должно быть, Финарфин подыскал для себя другую комнату, не кабинеты отца и брата. Там бы все напоминало ему о погибших родичах, хотя и весь дворец – воспоминание и напоминание.

Об этом Маэдрос и думал, когда слуга повел их ко входу и дальше, по широкой мраморной лестнице. Здесь изменений Маэдрос не заметил, все так же наверху, над первым пролетом широкой лестницы развевалось сине-белое знамя Финвэ, крылатое солнце. Под ним висел гобелен с вышитыми Древами в цвету, между которыми, сверху, висел Серп Валар, Семь Звезд. То была работа Мириэли, вышитая ею в первые годы после их свадьбы с Финвэ, еще до зачатия Феанора. Картина была сделана мельчайшими стежками, как будто не вышита, а нарисована, а краски были подобраны с изумительным искусством, цветы Лаурэлин сияли золотом, а Тельперион светился мягким серебром. В звездах смешивались оба цвета, и они чем-то походили на Сильмарили.

Гобелен и всю лестницу освещали голубые лампы в затейливо выкованных серебряных светильниках, похожих на чашечки цветов. То была работа Феанора, еще юного. Кристаллы в лампах можно было поворачивать и благодаря системе зеркал и заслонок получался свет от приглушенного, едва рассеивающего темноту, до яркого, подобного солнечному.

А вот настоящие цветы в настенных кашпо, с золотыми лепестками и ярко-зелеными листьями, их посадила Индис, вторая жена Финвэ. Они тихонько покачивались на своих стеблях, и их тонкий аромат наполнял собой все пространство.

Статуи Валар Нерданели, мозаичные панно с изображениями сцен пиров и празднеств Нолофинвэ, резные панели с цветами и плодами – их сделал Артафиндэ...

Маэдрос вздрогнул – королевский дворец походил на Расписную улицу – тени вместо живых. Хотя Нерданель жива, да и Артафиндэ вернулся – но их так мало по сравнению с теми, чьи тела покоятся в далекой земле Эндора, а души заключены в Залы Мандоса!

Дворец был пустынен, как и весь Тирион, и лишь однажды они встретили двоих эльдар, незнакомых Маэдросу, которые коротко кивнули им в знак приветствия. Наконец, они

добрались до Солнечного Кабинета – это оказались покои самого Арафинвэ еще в бытность его принцем нолдор. На памяти Маэдроса они часто пустовали, Арафинвэ предпочитал проводить время в Альквалондэ, подальше от ссор старших братьев.

Слуга постучал и вошел с докладом, и не прошло и двух десятков ударов сердца, как их позвали. Кабинет, и в самом деле, оказался солнечным, сюда Анар заглядывала, приближаясь к Валинору – то есть после полудня. Все было выдержано в гербовых цветах Арафинвэ – золотом и зеленом. Стены были обиты бледно-зеленым шелком, а занавеси вытканы из нитей песочного цвета с примесью золотых. Мебель была деревянной, со светло-желтой обивкой.

Арафинвэ поднялся им навстречу из-за стола и взглянул на них как будто сверху вниз, хотя был и ниже Маэдроса, и младше него, хотя и ненамного. Но долгие века правления, пусть даже мирного, целым народом и годы войны наложили свой отпечаток. Уже не беспечный, слегка саркастичный, но добрый и готовый помочь младший принц нолдор, не усталый полководец в шатре Эонвэ, а спокойный, внутренне собранный, уверенный в себе, твердый, но готовый к щедрости и милосердию владыка. Король. Маэдрос и сам был правителем не из малых, но править целым народом ему все же не доводилось. Братья хоть и подчинялись, но не испытывали перед ним такого пиетета, как перед отцом, а Фингон хоть и оставался всегда другом, вел себя как равный, даже когда обрел титул Верховного Короля.

После кратких приветствий Арафинвэ внимательно посмотрел на них и сказал спокойно, с любопытством в голосе:

- Я рад видеть всех своих родичей здесь, но не скрою, что удивлен. Я думал, вы направитесь сразу в Валмар...

- Нет, - сказал Маэдрос, - у нас есть дела и в иных частях Амана.

Он умолк, не зная, с чего начать, и Арафинвэ заговорил снова.

- Быть может, - сказал он, - вы хотите остановиться во дворце, в своих прежних гостевых покоях? Они всегда открыты для вас.

- Не хотим, - сразу же ответил Маэдрос, - у нас есть в Тирионе дом, и в нем горит окно.

- О... - сказал Арафинвэ, но ничего не спросил.

- Нам нужен не дом, а корабль, - сказал, наконец, Маэдрос.

- Вы хотите отправиться обратно в Эндорэ? – Арафинвэ заметно удивился. – Но вы же только что прибыли и... - он явно не знал, что думать.

- Не в Эндорэ, - терпеливо пояснил Маэдрос. – В Амানে есть места, куда дойдет только корабль. Нам нужно в одно из них.

Арафинвэ нахмурился.

- Не хотите же вы... - начал он. - Вы знаете, - сказал он жестко, - что распри и раздоры в земле Амана запрещены под страхом сурового наказания, а Сильмариль Эарендиля недоступен для всех, как для великих, так и для малых. Вам не добраться до него.

- Я, - вдруг сказал Маглор, - уж точно не собираюсь нападать на Эарендиля, и мне кажется, что Валар нашли для Сильмарилия наилучшее место.

Маэдроса поразило это «я» вместо «мы», и он посмотрел на Маглора с затаенным гневом.

- Мы, брат, - он особо выделил слово «мы», - договорились обо всем еще в Эндорэ. Мы не будем нападать ни на кого здесь – хватит с нас братоубийств! Когда я говорил о башне Эльвинг, я не держал в мыслях ничего подобного.

Брат ответил ему бестрепетным взглядом и глаз не опустил. Маэдрос решил поговорить с ним позже.

- Зачем же вам нужно в башню Эльвинг? – спросил Арафинвэ, переводя внимательный взгляд с одного на другого.

- Я думаю, - сказал Маэдрос чуть дернув углом рта, - любая мать захочет выслушать вести о своих детях от тех, кто долго жил с ними рядом. Или Эльвинг здесь непохожа на других? Быть может, она вовсе и не думает о сыновьях?

Маэдрос вспомнил, что кое-кто из его друзей еще в Гаванях говорил об этом, насмехаясь над Эльвинг и упрекая в том, что она бросила сыновей, но захватила с собой Камень. Он тогда пресекал эти разговоры, но кто знает, не было ли это правдой?

- Нет, - сказал Арафинвэ резко, - это не так. Я знаю, что ни о чем она не горюет так, как об оставленных детях. Хотя теперь она знает, что они живы, и печаль ее стала легче.

- Мы надеялись на это, - ответил ему Маглор.

Арафинвэ коротко кивнул и после некоторого раздумья ответил:

- Я могу дать вам корабль, который стоит не в гавани Альквалондэ – думаю, туда вам не хочется возвращаться, - Маэдрос в ответ на его взгляд кивнул, и Арафинвэ продолжил: - А на корабле поплывет мой сын Финдарато, он будет вам рулевым и проводником. И он же, - Арафинвэ слегка улыбнулся, - расскажет Эльвинг о вас первым, чтобы от неожиданности она вновь не нырнула в море...

- Да будет так, - наклонил голову Маэдрос.

Финрода они ждали недолго, он как раз гостил у своего отца, хотя обычно часто уплывал в море или уезжал в окрестности Валмара. Арафинвэ приказал принести вина и печенья,

и братья не отказались от угощения – все-таки со времени завтрака прошло не так мало времени, да и обижать родича не хотелось.

Маэдрос ждал двоюродного брата с некоторым напряжением, да, когда-то они были друзьями, пусть не такими близкими, как с Фингоном, однако, в общем, добрыми приятелями – но потом ведь была эта злосчастная история в Нарготронде, эта черная повесть подлости и предательства. О, Келегорм и Куруфин не дождались приветных слов и теплого приема, когда появились в Химринге и рассказали свою историю правдиво, хотя и не слишком охотно! Они все-таки понимали, что старшие братья их не одобряют - так оно и вышло. Но Маэдрос не стал посылать гонцов к Ородрету с извинениями или оправданиями – для этого он был слишком горд. Как сложилось, так сложилось, сыновьям Арафинвэ не надо было играть с Клятвой, они должны были понимать, на что шли, когда ввязались в дело с Сильмарилем. Но Нарготронда было жаль... когда он пал, Маэдрос и Маглор опечалились, хотя Келегорм и Куруфин, казалось, вовсе не были огорчены.

«Поделом этим медлительным трусам, этим предателям с отравленными стрелами!» - сказал тогда Келегорм, а Куруфин лишь зло улыбнулся. Маэдрос тогда лишь посмотрел на них тяжелым взглядом, но ничего не сказал. Все они были одной семьей, все были связаны воедино общим делом, Клятвой...

А теперь их семья распалась, в междоусобных битвах сгнули все, кроме них двоих, да и они сами едва удержались на краю. Маэдрос хорошо понимал, что если бы они все-таки напали на лагерь Эонвэ, то едва бы ушли живыми. Эта мысль и подточила его решимость тогда, заставила согласиться на предложение Маглора. Здесь, в Валиноре, у них больше шансов исполнить Клятву. По крайней мере, он на это надеялся.

Дверь Солнечного Кабинета распахнулась, и вошел Финрод, как всегда быстрый и порывистый. Он всегда немного напоминал Маэдросу факел со своего герба, прямой и стройный стан – древко, золотые волосы – будто огонь, разгоняющий тьму. Но сейчас и весь он как будто был наполнен огнем, тем золотым светом, что давала земля Валинора живущим на ней во второй раз.

- Ты звал меня, отец? – спросил Финрод у Арафинвэ. – А... Привет вам... Майтимо... Макалаурэ...

Похоже, слуга ничего не сказал ему о гостях отца, и Финрод смотрел на двоюродных братьев с удивлением и любопытством. Но без злобы и гнева – и Маэдрос немного расслабился.

- Привет и тебе, Артафиндэ, - сказал он. – Я рад этой встрече... очень рад.

Корабль. Эльдамар

Маэдрос смотрел на Финрода, который стоял на носу корабля, глядя прямо вперед, туда, где темное море смыкалось с темными небесами, усеянными звездами. Покрывало Варды распахивалось перед ними, принимая в свои объятия легкий корабль. Здесь, на севере, Ариэн была нечастой гостьей, и лишь звезды освещали эти холодные моря и скудные земли. Маэдрос слегка поежился, вспомнив Араман. Тогда он казался им ужасным, худшей из земель, тогда они не видели еще окрестностей Ангбанда. Но Хэлькараксэ, наверное, мог бы с ними сравниться.

Они были вдвоем на палубе, Маглор спал в своей каюте, двое матросов Финрода тоже не показывались наверху. Финрод вдруг обернулся и подошел к двоюродному брату, посмотрел на него своим обычным, мягким и теплым взглядом, но ничего не сказал. Но Маэдрос все равно почувствовал себя не совсем уютно.

- Мне жаль, - сказал он наконец, не отводя взгляда.

- Ты не обязан ничего говорить, Майтимо, - Финрод положил руку ему на плечо.

- Не обязан, но хочу сказать, - со слабым раздражением ответил Маэдрос. Иногда неизменное миролюбие старшего сына Арафинвэ его немного злило. – Хочу сказать, что мне жаль Нарготронд... жаль, что все так вышло.

– И мне жаль, - ответил Финрод и вздохнул. – Я не хотел такого, когда обещал Барахиру.

- Клятвы опасны, - усмехнулся Маэдрос.

- Да, - печальная улыбка тронула и губы Финрода.

- Я хотел сказать, - продолжил Маэдрос с некоторым усилием, - что я не приказывал братьям такого. Я хотел союза с Нарготрондом – это верно, но союза добровольного.

- Я так и думал, - ответил Финрод мягко. – Я ведь знаю тебя.

- Я и сам себя не всегда знаю, - вздохнул Маэдрос. – Кто бы мне сказал, что я буду искать правосудия Валар!

- Это единственно верный путь, Майтимо, - горячо сказал Финрод. – Другим путем вам не обрести желаемого.

- Ты это видишь? – со вспыхнувшей надеждой спросил Маэдрос. Было известно, что Финрода нередко посещало провидение, чаще, чем любого другого потомка Финвэ, кроме, может быть, Галадриэли.

- Н-н-нет, - не очень уверенно сказал Финрод. – Скорее, просто знаю.

- А, - сник Маэдрос. – Многие ведь считают нашу Клятву неисполнимой. И у меня закрадывались такие мысли... когда Сильмариль оказался не в руках Моргота, он и то

постоянно ускользал от нас! Вместо того, чтобы стремиться в руки своих хозяев. Может, виной тому проклятие Мандоса...

- Может быть, - ответил Финрод задумчиво. – А может, дело в самой природе вашей Клятвы...

- Это мне тоже приходило в голову и не раз, - вздохнул Маэдрос. – Но такие мысли, они... ни к чему не ведут. Отказаться от Клятвы мы не можем.

- Понимаю, - кивнул Финрод. – Но все кончится благом – так или иначе.

- Что же будет для нас благом? – спросил Маэдрос, скорее, у себя, чем у собеседника. – Раньше я думал, что единственная благая наша цель – победа, мечь Врагу, исполнение Клятвы в конце концов... Но последнее время я стал думать иначе. Победа уже достигнута, Враг – повержен, Клятва... быть может, тоже скоро будет исполнена. Но счастья мне это не принесло. Нет, конечно, - он заговорил горячо, будто споря, - я радуюсь, что Моринготто уже не причинит вреда Арде, что он скоро будет изгнан из нее. Я радуюсь, что эта Тень ушла навеки, пусть и оставила за собой много следов. Но что потом? Если сейчас, вдруг, у нас в руках окажутся Сильмарили – что потом? Не будем же мы любоваться на них вечно? Надо будет жить дальше... а как, я не знаю. В Эндорэ я был воином, полководцем, правителем, судьей... Кем я буду здесь? Как я буду жить?

- Жить, - эхом повторил за ним Финрод. – Именно «жить», Майтимо. Каждый день вставать и радоваться солнцу и ветру, готовить пищу и есть, заботиться о своем саде, творить новое в мастерских, петь, любоваться звездами... Это и есть жизнь. Найти женщину себе по сердцу и жениться, родить детей...

- Женщину? – горько улыбнулся Маэдрос. – Я и не думаю об этом. Кому я нужен, правитель без народа, воин без меча, со славою предателя и братоубийцы, калека в конце концов?

Он поднял правую, *короткую* руку, так что его увечье стало хорошо заметно.

Финрод лишь покачал головой.

- Это не так страшно, - сказал он. – Раны на душе – вот что заживает дольше всего. Иногда они не заживают вовсе. И смерть – не малая из них. Может быть, ты завидуешь мне, вышедшему из Мандоса с обновленным телом, но лучше не завидуй. Смерть оставляет в душе такую рану, что нескоро затягивается, и до конца не затянется никогда. Об этом Владыка Намо предупреждает в Мандосе всех, и он прав, жить снова с памятью о смерти, со страхом новой смерти – трудно. Не все решаются на это.

- Понимаю, - кивнул Маэдрос, взглянув на Финрода по-новому. Сейчас он понимал, что двоюродный брат был прав, а он совсем не думал об этом.

- Я пойду, - сказал он и отправился вниз, в свою каюту. Ему надо было о многом подумать.

Мерное покачивание корабля вскоре совсем успокоило Маэдроса, и он погрузился в полусон-полугрезы. В маленькое окошко каюты лился звездный свет, который становился все ярче, приобретая новые оттенки, не просто легкий белый свет звезды, но многоцветье радуги, как будто от драгоценного камня... Ба, ну конечно же, это свет Сильмарилля, как он мог забыть его! И вокруг уже не море воды, а море травы, он идет по лугу, свежий ветер колышет траву, небо ясное, на нем сияет солнечная ладья... Но свет исходит не только от нее, нет, вот же свет от Сильмарилля – такой, каким он его помнит, и не совсем такой. Как будто и более тусклый, и более яркий, чем раньше, Маэдрос не совсем понимал, как это может быть одновременно, но это было так. Маэдрос обернулся – и увидел женщину. Не очень высокую, стройную, легконогую, с тонкими, но не слабыми руками, со светлыми длинными волосами. Сильмариль был на ее шее, на простой серебряной цепи. И свет его был так ярок, что слепил, не давал рассмотреть ее лицо. А Маэдрос очень хотел увидеть ее лицо. Хотел так сильно, что впервые в жизни пожелал, чтобы Сильмариль угас.

И, как будто отвечая его желаниям, свет начал гаснуть – и на небе, и на земле. Но Маэдрос ничего не увидел, ибо чья-то рука вырвала его из мира грез.

Башня Эльвинг

- Прости, что бужу тебя, - Маглор выглядел немного виноватым, - но мы почти прибыли. До рассвета осталось недолго, и скоро мы будем причаливать. И Артафиндэ говорит, что нам нужно кое-что увидеть.

- Хорошо, - Маэдрос коснулся руки брата, - все равно грезы не могут длиться вечно, всегда надо просыпаться.

- А наша семья всегда предпочитала бодрствовать, - улыбнулся Маглор, но без особого веселья. – Ладно, пойдем наверх. Я уже был там, на это, и верно, стоит посмотреть.

Даже здесь, в каюте стало ощутимо холоднее, сказывалось дыхание Севера. Маэдрос быстро оделся, накинув вместо своего плаща другой, из меха морских выдр, который ему дал Финрод. Этот мех позволял зверькам часами качаться на холодных волнах, согревал он и эльдар в их походах на север.

На палубе было тихо, только волны, как всегда, плескались о деревянные борта. Маэдрос огляделся: сейчас они шли вдоль берега, черного, каменистого, покрытого снегом и льдом, без единого зеленого пятна. Теперь, когда Древа угасли и на небо вышли Светила, даже Аман был подвержен смене времен года, хотя в сердце его, Валиноре, это мало ощущалось. Но на пустынных окраинах огромного континента сейчас царил зима, и на севере ее дыхание было особо заметным. Ветер, дувший с северо-востока, был ледяным, брызги воды, долетавшие снизу до самого лица Маэдроса, заставили его вздрогнуть. Он вспомнил мертвящее дыхание Хэлькараксэ, возле которого был лишь дважды: первый раз вместе с отцом в одном из путешествий, и второй раз – после Битвы в Альквалондэ. Тогда они с отцом и братьями решили, что ни один Воплощенный не сможет выжить в этом ледяном аду, не говоря уж о том, чтобы перейти его.

Они оказались неправы.

Финрод вновь стоял на носу корабля, глядя вперед. Он обернулся, и Маэдрос едва не отшатнулся – ему показалось, что вместо лица у кузена оказалась ледяная маска, мертвенно-бледная, с черными провалами вместо глаз. Как будто неосторожный путешественник, застигнутый снежной бурей, вмерз в лед, а теперь оттаял и обрел возможность двигаться. Но Финрод слегка улыбнулся, и пугающая маска исчезла, обернувшись его обычным лицом, просто немного бледным на морозе.

- Смотрите! – он протянул руку вперед и влево.

То, что виделось Маэдросу при брошенном мельком взгляде лишь скалой, обросшей льдом, или необычайно высоким торосом, оказалось башней, очень высокой белой башней, без украшений и окон, кроме одного, на самом верху. Оно было темным, и при взгляде на него Маэдрос тут же вспомнил, как они нашли свет в своем родном окне. Но здесь, быть может, никого не было или никого не ждали.

Маэдрос внимательнее присмотрелся к стенам башни, они не были гладкими, везде

торчали какие-то наросты. Они были такими же белыми, как и стены, и Маэдрос принял их за резьбу и каменные скульптуры, хотя на таком расстоянии невозможно было разглядеть, что или кого они изображают.

- Это Башня Эльвинг, - негромко сказал Финрод, что стоял рядом с братьями. – Когда Эарендиль и его жена прибыли сюда, Эльвинг нашла своих родичей среди жителей Альквалондэ. Король Ольвэ предложил ей жить в его дворце или построить дом там, где она захочет. Она выбрала это место.

Маэдрос поежился от налетевшего порыва холодного ветра.

- Почему? – спросил он. – Здесь не очень приятно жить.

- Сейчас поймете, - Финрод улыбнулся, но в улыбке этой грусти было больше, чем радости.

- Смотрите-ка! – теперь Маглор поднял руку, указывая на восток. Но Маэдрос уже и сам увидел – спутать этот свет с каким-либо другим было невозможно.

С востока, как будто плывя на крыльях ветра, быстро приближалась яркая звезда. Свет ее был иным, чем у других звезд, которые обычно были белыми, голубоватыми или желтоватыми. Этот свет, играющий множеством оттенков, был и гораздо ярче, поистине, эту звезду можно было назвать младшей сестрой Ариэн и Тилиона.

- Сильмариль... - прошептал Маэдрос и сжал рукой планшир. Здесь, в Валиноре свет Гиль-Эстель был куда ярче и ближе, чем в Эндоре. Воздух Амана был прозрачнее, а кроме того...

Кроме того, Эарендиль летел в Валинор, домой.

Свет Сильмарилья становился все ярче, и, наконец, вместо яркой точки появился силуэт корабля, сначала совсем крошечного, но он становился все больше, пока, наконец, не превратился в настоящее судно, а не игрушку. Корабль был белым от носа до кончиков мачт и парусов, и сделан, по обычаю тэлери, в виде лебедя.

И когда «Вингилот» уже приблизился к верхушке башни, произошло сразу два события.

Далеко на востоке, Солнечная Дева открыла Врата Утра и направила туда свою ладью, чтобы воспарить над небом Эндора. Ее лучи мгновенно достигли и дальнего Амана и заиграли розоватыми отсветами на вершинах гор и верхушке Башни. И тут же единственное окно Башни распахнулось и оттуда вниз шагнула женщина.

Маэдрос вздрогнул: она же сейчас упадет! – и невольно подался вперед. Но Финрод придержал его за руку, и Маэдрос замер. Пораженный, он увидел, как то, что показалось ему длинным серебристо-белым плащом женщины, оказалось двумя сложенными крыльями. Взмахнув ими, женщина взмыла вверх, к самому кораблю, и парила рядом с ним в ярких лучах рассвета.

Эарендиль, что стоял на носу своего корабля, подался вперед и протянул руки к жене. Эльвинг (а женщиной-птицей была, конечно, она) опустилась на палубу и оказалась в объятиях мужа. Она положила руки ему на плечи и так они стояли, переживая встречу – одну из многих и все же, как будто первую.

Шум тысяч крыльев вдруг наполнил воздух. Башня, как будто зашевелилась, наросты или скульптуры оказались белыми морскими птицами, отдыхавшими на ней. Они взмыли в воздух, как и птица-Эльвинг, и полетели к «Вингилоту», окутывая его живым облаком. Эарендиль поднял руку в приветствии, и птичий гомон на несколько мгновений стал оглушительным, пока птицы не собрались в огромную стаю и не потянулись прочь от корабля. Эльвинг уже отошла от мужа и ступила на край палубы, вновь распахивая крылья. Обернувшись к Эарендилю в последний раз, она опять взлетела, а корабль медленно, будто нехотя, поплыл дальше на запад, неся свет Сильмарилля жителям Амана.

- Вот и все, - слышался негромкий голос Финрода. – Эарендиль отправился дальше, в плавание...

- Как – все? – недоуменно спросил Маглор. – Разве он не живет здесь?

- Это – Башня Эльвинг, - сказал Финрод. – А не башня Эльвинг и Эарендиля. Мореход – вечный странник, так заповедано Валар. Он должен плыть по небу и охранять Стены Мира. И озарять мир светом Надежды, конечно.

- Несправедливо! – вырвалось у Маглора. – Эарендиль столько сделал для Эндора и Арды! А теперь у него нет приюта, нет дома... ничего.

- Это плата за небывалое чудо, - покачал головой Финрод. – Оно не может случиться так, чтобы никто ничем не заплатил. И часто расплачиваются невинные - самые чистые, самые ясные.

Он умолк, а Маэдрос внезапно подумал: «Например, как ты расплатился за безумное желание Тингола и безрассудную клятву смертного», - но ничего не сказал вслух. Финрод не принял бы такой похвалы, она лишь смутила бы его.

Маглор вдруг прерывисто вздохнул.

- Я не боялся балрогов, орочьих орд, даже самого Глаурунга – хотя он и сеял вокруг себя ужас, - сказал он. – Но здесь я боюсь. Признаюсь вам честно – я боюсь посмотреть ей в глаза...

Маэдрос положил руку ему на плечо.

- Мне тоже не по себе. Но это нужно сделать. Артафиндэ... - повернулся он к двоюродному брату.

- Да, Майтимо, - сказал тот. – Я пойду первым и предупрежу госпожу Эльвинг.

- Спасибо, Артафиндэ, - наклонил Маэдрос голову.

Недолгое время, что понадобилось Финроду на плавание к башне в маленькой лодке, Маэдрос просидел на палубе корабля. Он задумчиво следил за медленно удаляющимся на запад Сильмарилем. Как бы ни решили Валар, а этот Сильмариль Воздуха им уже не получить! А будет ли исполнена Клятва, если они завладеют лишь двумя Сильмарильями из трех?

«Мы еще и одного Камня не получили», - сказал себе Маэдрос жестко. Странно, но когда Сильмарили были у Моргота, казалось, что добыть их легче. Может, потому, что тогда они непоколебимо были уверены в своей правоте? А здесь... Но отец бы не сомневался.

Эта мысль не очень успокоила Маэдроса. Отец не всегда был прав... далеко не всегда. И даже Валар, несоизмеримо мудрые, ошибались. В себе же Маэдрос сомневался тоже, особенно в последнее время. И на кого тогда можно было положиться?

Маэдрос только вздохнул и увидел, что лодка Финрода возвращается. Он встал, даже не зная, чего хочет больше – согласия Эльвинг на разговор или отказа.

Финрод быстро и легко взобрался на палубу – Маэдрос отметил про себя, что родич двигался ловчее, чем прежде, может, это было свойство всех Возрожденных? – и кивнул братьям. Маэдрос понял, что Эльвинг согласилась на встречу.

- Эльвинг примет вас, - сказал Финрод, подойдя к братьям. – Она сказала... - он чуть помедлил, - что встретилась бы даже с Моринготто ради вестей о сыновьях.

Маэдрос усмехнулся, знакомое раздражение перекрыло давешний страх. Не первый раз их сравнивали с Морготом – но, право же, так обычно говорили лишь те, кто никогда не видел и не слышал Врага. Маэдрос же говорил с Мелькором еще в Валиноре и видел Моргота позже, во всей его силе, и знал, что ни один Воплощенный не может сравниться с ним, хотя бы отдаленно.

Значило ли это, что и справиться с ним тоже было невозможно для Воплощенного?

Эта мысль иногда приходила ему в голову, и он старательно гнал ее, ибо она делала Клятву невыполнимой. Но именно потому он дважды отдавал тот роковой приказ – биться с сородичами вместо Моргота. Он уже понимал, что с Морготом им не справиться.

Маэдрос тряхнул головой – Финрод стоял и ждал его ответа, вот уже и Маглор тронул его за плечо.

- Идемте, - сказал он товарищам и вскоре они втроем в белой лодке подплывали к темному берегу. Он был каменистым, без единого растения, даже крохотного – не говоря уж о деревьях. Камни были немного припорошены снегом, но это лишь добавляло суровости пейзажу. Маэдрос слегка передернул плечами: не хотелось бы ему жить в подобном месте, особенно в Валиноре, самой прекрасной и благословенной земле в Арде. А здешние места напомнили ему окрестности Железных Гор, где из-за господства

Моргота почти не росла зелень, а птицы и животные чурались их. Хотя здесь-то птиц, кажется, предостаточно...

В таких мыслях Маэдрос подошел к подножию башни и ступил на ее порог через небольшую дверь, которую открыл для них Финрод. Внутри башни оказалась длинная витая лестница, тоже белая, и они втроем поднимались по ней друг за другом, в молчании. Путь этот был долог – и все же слишком короток, Маэдросу показалось, что он не успел как следует подготовиться к встрече, как они уже достигли самой верхушки башни.

Дверь в покои Эльвинг была не каменной, а деревянной, из светлого дерева, ничем не украшенной, кроме изображения Звезды. Она вела в несколько комнат, также обшитых деревянными панелями, и Эльвинг ждала их в самой большой, центральной, которая и обладала единственной во всей башне окном.

Эльвинг, не очень высокая, стройная и гибкая женщина в простом белом платье, стояла посреди комнаты, у деревянного кресла с высокой спинкой. Она чуть вздрогнула, когда гости вошли в комнату, и слишком уж крепко, на взгляд Маэдроса, вцепилась в спинку кресла. Но она не отступила перед ними и твердо встретила их взглядом, коротко кивнув на приветствия.

Маглор внезапно выступил из-за спины Маэдроса и быстро подошел к Эльвинг.

- Они живы, - сказал он. – Они живы и думают о тебе.

Маэдрос иногда думал, какова собой была Лутиэн Дориатская. Слава о ее красоте гремела далеко за пределами Дориата, на самом деле, трудно было сыскать эльфа, который никогда о ней не слышал – если говорить о землях Белерианда. Но о ней именно слышали – а видел мало кто, даже родичи Тингола из дома Арафинвэ не могли похвастать частыми встречами с дочерью лесного владыки: говорили, что Лутиэн редко приходит в Менегрот и его окрестности, а все больше бродит по лесам, танцуя на полянах и холмах. Она была сокровищем, дивным и славным, но скрытым, и иногда ее сравнивали с драгоценнейшими из драгоценных камней – и недаром Тинголу пришлось в голову потребовать за нее Сильмариль.

Но он потребовал – и началась та история, что обрела продолжение здесь, в Валиноре, такое странное и необычное, о котором не мог подумать ни Тингол, ни Берен, ни сама Лутиэн. А теперь Лутиэн ушла из мира навсегда, но обрела продолжение в потомстве, и вот перед Маэдросом стояла ее внучка, которая, как говорили, была похожа на нее.

Да, Эльвинг была красива: темные, как ночь, волосы, лучистые серые глаза, тонкие черты лица, изящные руки с длинными пальцами. Стройная и гибкая, она не производила впечатления хрупкости и воздушности, сказывалась, наверно, и людская кровь. Она была красива, но Маэдроса эта красота мало трогала, он смотрел на нее отстраненно, как на драгоценную статуэтку. Еще ни одна женщина не тронула его сердца...

Ни одна, кроме той, что являлась ему в видениях и снах?

Маэдрос отогнал эту мысль, явившуюся ни ко времени. Сейчас предстоял трудный разговор и не стоило размышлять о женских прелестях.

- Что вы сделали с моими детьми? – медленно спросила Эльвинг.

- Ты должна знать, - немного растерянно сказал Маглор. – Мы вырастили их и...

Эльвинг вдруг закрыла лицо руками и ее плечи вздрогнули. Маглор стоял рядом с ней с растерянным видом, Маэдрос не двинулся с места – несмотря на свой невозмутимый вид, он тоже не знал, что делать, хотя и сам хотел этой встречи.

Финрод шагнул к Эльвинг и осторожно взял ее за плечо.

- Нам лучше уйти? – спросил он.

Эльвинг глубоко вздохнула.

- Нет, - сказала она глухо и отняла руки от лица. В глазах ее блестели слезы, но страха и растерянности там не было. – Нет, я хочу знать все о своих сыновьях.

- Они смелые и гордые, - негромко сказал Маэдрос. – Мудрые и благородные, решительные и милосердные.

- Это то, что хочет услышать любая мать, - прошептала Эльвинг.

- Они помнят о вас и любят вас, - сказал Маглор.

- Это то, чего я боялась не услышать, - произнесла Эльвинг все так же тихо. – Тогда мне показалось... показалось, что все потеряно. Что дети сейчас погибнут... уже погибли – так показалось мне. Когда я росла в Гаванях, я часто вспоминала Дориат. Вспоминала наш последний мирный день... и то, как все изменилось. Я видела маму, отца, братьев... В последний раз. А потом мне сказали, что они умерли. Все. Что их убили... вы убили их. И когда вы пришли к нам в город, и я увидела, что вы схватили моих сыновей... я решила, что они тоже непременно умрут. И сама захотела умереть, но так, чтобы и вы не достигли своей цели. Я забрала Сильмариль с собой – в смерть, как думала я тогда. Потом вышло так, что я осталась жива. Я встретила Эарендила... но мы думали, что в Эндоре нас не ждет ничего, кроме смерти. Мы поплыли к единственной цели, что еще оставалась у нас – на Запад. А потом, потом оказалось, что за чудеса надо платить. Если бы мы выбрали смертную участь, то все равно не вернулись бы в Эндор, мы просто бы жили на Тол Эрессеа до самой смерти, так сказал Владыка Намо. И я выбрала жизнь. Тогда я думала, что смерть тяжела, а еще я надеялась, надеялась на встречу! Ведь надежда может исполниться лишь у живых.

- Так оно и будет, - Финрод заговорил мягко, будто с маленьким ребенком. – Я уверен, вы встретитесь.

- Да, может быть, - Эльвинг стояла с поникшими плечами. – Многие говорили мне это. Но я не думаю, что это произойдет, - она вздохнула. – Они уже сделали свой выбор – и их нет здесь.

Маэдрос вспомнил Эльронда и Эльроса – оба они слишком любили Эндор, свою родину, чтобы отправиться в далекий, незнакомый Аман. А вскоре Эльрос избрал судьбу людей, и путь в Аман и вовсе стал закрыт для него, разве что, рано или поздно, придет он в чертоги Мандоса, как начертано всем людям. Но не такой встречи ждала его мать.

- Мы не стали бы убивать их, - глухо сказал Маэдрос.

- Майтимо искал твоих братьев, госпожа Эльвинг... тогда, - сказал Маглор. Эльвинг посмотрела на Маэдроса, в лице ее горечь мешалась с проблесками надежды.

- Не надо оправдывать меня, Макалаурэ, я ведь их не нашел, - сказал Маэдрос. – Но мне очень жаль, госпожа.

- Понимаю, - глухо сказала Эльвинг.

Маэдрос уже сожалел, что приплыл сюда. Кажется, они лишь разбередили рану, которая едва ли вообще когда-нибудь заживет. И при взгляде на эту женщину все упреки в том, что она утаила их наследство, их Камень, умерли у него на губах. Хотя судьба ее и лучше многих иных, все же и горя ей довелось испытать слишком много, и оно не забудется и не изгладится. Он повернулся, чтобы уйти, но Маглор схватил его за руку и удержал на месте.

- Как хочешь, Майтимо, но я скажу это, - произнес он порывисто и вдруг опустился перед Эльвинг на колени.

- Прости нас, госпожа, - сказал он, склоняясь так низко, как не склонялся и перед самой Владычицей Вардой. – Прости и за родителей твоих, и за братьев, за твой народ, за твою землю, за все зло, что мы тебе причинили.

Эльвинг вздрогнула, подняла правую руку – но уронила ее, кажется, она не знала, что делать. Губы ее дрожали, лицо было бледным, а глаза казались двумя глубокими озерами, готовыми излиться слезами.

Маэдрос смотрел на нее – и вдруг ему показалось, что грудь Эльвинг заливают свет. И то был не свет из окна – здесь сияние Ариэн было довольно тусклым, но другой свет, тот, что удалился сейчас на Запад. Отсвет Сильмариля озарял внучку Берена, тот след, что Камень оставлял на тех, кто владел им и был ясен и чист душой. Тот свет, что уже давно потеряли сыновья Феанора.

Но Маэдрос мог снова видеть его.

И на мгновение – на одно лишь мгновение! – он увидел на месте Эльвинг другую женщину, точнее, юную девушку. Она не была похожа на Эльвинг, хотя ему не удалось рассмотреть ее во всех подробностях, но волосы ее были не темными, а светлыми, лицо

было шире, глаза – меньше и не такие сияющие. Но, не такая прекрасная, она была притягательна и мила, и Маэдрос пожалел, что видение длилось так мало. Странно, к чему оно вообще было? Или это была просто игра красок Сильмарилля – тоже, кстати, призрачного? Но вдруг он понял, что надо делать.

- Прости нас, госпожа Эльвинг, - произнес он и встал рядом с братом.

Дом Вайрэ

Они долго просидели у Эльвинг, беседуя с ней о ее сыновьях – кто бы когда сказал Маэдросу, что они так спокойно будут сидеть рядом! – и к вечеру собрались в обратный путь. Ариэн уже ушла ко Вратам Ночи, и на небе снова зажигались звезды, когда трое эльфов на лодке уплывали к белому кораблю.

Финрод, правивший лодкой, уже почти подошедшей к их судну, обернулся на башню и замер.

- Смотрите-ка! – воскликнул он, и сыновья Феанора тоже обернулись.

Наверху Башни Эльвинг горело окно.

- Раньше Эльвинг не зажигала огня, - с удивлением произнес Финрод.

- Теперь она тоже ждет сыновей, - тихо сказал Маглор, и Маэдрос согласно кивнул. Эльвинг уже говорили, что ее дети выжили, но для нее они стали по-настоящему живыми только сегодня – когда к ней пришли те, кто видел и вырастил их. Маэдрос почувствовал, как у него стало легче на сердце. Эльвинг простила их и больше не держала зла.

Через день они вновь вернулись в Тирион, в дом, что теперь можно было называть домом Нэрданели. Маэдрос еще не знал, куда двинуться дальше, думая о Валмаре – ведь нужно было продолжать путь за Сильмариллями, когда Нэрданель после тихого ужина сказала им:

- Майтимо, Макалаурэ, с вами хотят встретиться.

Маэдрос подспудно ожидал такого, на самом деле, он был даже удивлен, как мало эльдар Валинора проявляли внимания к вернувшимся Мятежникам, и потому быстро спросил:

- Кто же?

- Одна женщина, сын мой, - Нэрданель вздохнула, не называя имени.

- Мы готовы встретиться с любым. Пусть приходит... - продолжил Маэдрос, но Нэрданель покачала головой.

- Эта женщина никуда не выходит, Майтимо. Вы должны будете встретиться с ней.

- Куда мы должны направиться? В Валмар? – у Маэдроса мелькнула мысль об Индис.

- О, нет, - снова покачала головой Нэрданель, - куда дальше на север и запад. К... Чертогам Мандоса.

- О, - вскинул брови Маэдрос, - эта женщина – среди Теней?

- Нет, - в третий раз Нэрданель опровергла его догадку, - но и не то чтобы она среди Живущих. Это – первая Мертвая и первая Возрожденная Амана, это Мириэль, что ныне прозвана Фириэлью.

- Мириэль... - удивленно произнес Маэдрос.

Это имя было окружено в их доме особой аурой. В ней была и любовь, и горечь, и гордость, и печаль, и тайна. Никто из них не видел эту женщину живой. Никто из них тогда не понимал, каково это – захотеть отречься от жизни, остаться в Чертогах Мандоса навеки. Король Финвэ некогда говорил, что Феанор многое взял от своей матери – и какой же она должна быть, мать величайшего из эльдар?

- Нам надо войти в Чертоги Мандоса? – спросил Маэдрос.

- Нет, Фириэль сейчас живет в Доме Вайрэ, - сказала Нэрданель. – И она не выходит оттуда, потому что слишком тяжелы для нее оказались вести о народе нолдор и о деяниях ее сына.

«И о деяниях его сыновей», - мог бы добавить Маэдрос, но не стал. Не стоило бередить рану этого дома.

- Когда мы должны там быть? – спросил Маглор.

- Вы ничего не должны, - ответила Нэрданель. – Но Фириэль просила вас посетить ее, когда захотите.

Несколько дней Маэдрос и Маглор провели дома, отдыхая и осматриваясь. Маэдрос вспоминал свою жизнь здесь, спокойную и радостную жизнь до Форменоса. Как рос он сам, как появлялись один за другим младшие братья, как вместе они уходили в путешествия и вновь возвращались... Дом был наполнен воспоминаниями – и тенями.

Как будто он снова увидел Расписную улицу с ее веселыми картинами исчезнувшей жизни...

Неужели они навсегда обречены оставаться в плену прошлого?

Маэдросу этого не хотелось. Хотя в прошлом остались власть и сила, тысячные войска и богатства в сокровищницах, он не хотел жить одними воспоминаниями. Это было недостойно сына Феанора.

Однако некоторые связи с прошлыми нужно было оставить и даже создать заново. Мириэль, ставшая теперь Фириэлью, главная тень Дома Феанора, она была одной из тех основ, на которых держался этот дом. Она хотела увидиться со своими внуками и поговорить с ними – что ж, неучтиво было заставлять ждать ее, эту непостижимую женщину, великую мастерицу и прославленную мать.

Потому не прошло и нескольких дней, как братья вновь оседлали коней. Теперь их путь лежал на север и запад, к противоположному берегу Амана, совсем пустынному и плохо исследованному. Маэдрос не бывал там и во времена юности, Фэанор избегал окрестности Мандоса и его сыновья делали то же. Не имея возможности увидеть мать живой, Фэанор не хотел встретить ее тень.

Путь до Чертогов был неблизок и прошло не меньше десяти дней, как, оставив золотые купола Валмара далеко слева, братья посреди бескрайней травяной равнины увидели впереди серебристую полосу, похожую на низкое облако.

- Лориэн, - сказал Маэдрос, взглядываясь вперед из-под надвинутой ладони. — Давно я не был здесь...

- Дорога к Мандосу лежит через него, - заметил Маглор.

- Но необязательно заходить в самое сердце Лориэна, - ответил ему Маэдрос. — Войдем туда лишь настолько, насколько нам нужно. Это место отдыха и раздумий, созерцания и воспоминаний, а наша цель еще не достигнута, нам еще нужно многое сделать. Вперед!

И они направили коней к белоствольному царству Ирмо. В Садах Лориэна росло множество деревьев и других растений, но больше было таких, чьи стволы, листья или цветы были белого или серебристого цвета, напоминая древний Тельперин и нынешнюю Луну. Это были любимые цвета Владыки Ирмо и его супруги.

Сады не были ограждены ничем, но те, кто хотел войти туда, проходили сквозь врата, стоявшие у южного края садов, врата без стены. Так гости обозначали, что хотят прийти во владения Ирмо, и им навстречу выходили майяр Ирмо и расспрашивали их о цели прихода. Но сыновья Фэанора миновали эти ворота и проехали мимо, и никто не вышел к ним из серебристого сумрака, что расстилался во владениях повелителя снов.

Ариэн уже уходила дальше, на запад, и тени берез, что росли в этой части сада, удлинились. Кони тихо ступали по траве, а оба всадника ехали медленно, погруженные в мысли, ибо нельзя было войти в Лориэн и не размышлять о прошлом и не строить планы на будущее, таково было назначение этого места. Легкий ветер шуршал в кронах, и это был единственный звук вокруг, не мешавший раздумьям. Маэдрос ехал, думая о Сильмариллах, о том, как он распорядился бы Камнями, буде Валар присудили бы вернуть их сыновьям Фэанора.

«Держать их скрытыми ото всех я не стал бы», - подумал Маэдрос и вспомнил то, что рассказывали о Сильмарилле Гаваней. Говорили, Эльвинг повелела положить его вместе с Наугламиром наверху старого маяка на краю обрыва над морем, чтобы он всегда светил мореходам Гаваней и ее мужу Эарендилю и они всегда бы нашли путь домой. В тот ужасный день, когда Гавани пали, Эльвинг взбежала наверх и, увидев, как ее дети захвачены в плен сыновьями Фэанора, в ужасе и отчаянии бросилась в море вместе с Наугламиром, решив покончить с собой и причиной

раздора. Маэдрос видел ее белую фигуру со светочем на груди за несколько мгновений до рокового прыжка, но ничего не успел сделать или приказать.

«Но решение с маяком было хорошим», - думал он про себя, - «Сильмариль был виден всем и в то же время все знали, что он принадлежит Эльвинг». Но не то же ли самое сделали сейчас Валар, поместив Сильмариль в небеса? Это было мудрым и... и не стоило ли предоставить решению Валар судьбу двух других Камней?

«Но Клятва», - вздохнул он про себя, - «Клятва не даст мне смириться с этим, как не дала оставить в покое Гавани. Я не могу».

Тени сгущались, кони тихо брели сквозь полумрак, и Маэдрос почувствовал, что погружается в дрему, некую разновидность транса, когда он как будто бы и не спал, но и не совсем бодрствовал. Он хотел встряхнуться, побороть сон, но грезы были такими сладкими...

Он едет сквозь тихий лес, но не один. Вместе с ним, впереди на седле сидит мальчик, не больше Ветви от роду. Он устал за день и спит, привалившись спиной к Маэдросу, а тот обнимает его левой рукой, не давая упасть. Мальчик знаком Маэдросу, хорошо знаком, но он не может вспомнить, кто он, как его зовут. Чуть тронутые рыжиной светлые волосы, яркие серо-голубые глаза, сейчас закрытые... нет, он не знает, кто это. Но он любит мальчика всем сердцем и готов отдать за него всю кровь по капле.

Они выезжают на опушку леса и Маэдрос видит впереди дом. Небольшой, деревянный, он стоит на вершине невысокого холма, и конь привычно направляется к нему, видимо, зная дорогу. Маэдрос поднимает глаза – в проеме открытой двери стоит женщина со светлыми волосами и смотрит на него. Она поднимает лампу, ибо уже темно, освещая ему путь...

- Майтимо! – Маэдрос слышит зов, и греза рассыпается. Они снова в Лориэне и Маглор, подъехав ближе, трогает брата за руку.

- Мы остановимся на ночь здесь? – спросил он.

Маэдрос покачал головой.

- Спать в царстве снов я не хочу. Будем ехать, сколько потребуется, хоть всю ночь.

Маглор кивнул и вновь отъехал. Маэдрос встряхнулся, избавившись от остатков грезы, и уставился прямо вперед, в сгущающийся полумрак. Белые стволы берез сменились серебристыми стволами маллорнов, все чаще стали попадаться ели и тисы. Трава под ногами укоротилась и почти исчезла, ветер чуть усилился, листья зашептали громче, то тут, то там мелькали тени ночных жителей леса – сов, нетопырей, ночных бабочек... Вдали послышались печальные звуки свирели, похожие на рыдание.

Кони медленно шли сквозь лес, который становился все темнее, и Маэдрос поймал себя

на том, что ему хочется поскорее выбраться отсюда. Он видел многое в Эндоре, видел жуткие и печальные места, навевавшие смертную тоску, но и здесь ему становилось не по себе. Он и не думал, что в Валиноре есть такие места – печальные, таинственные, страшные.

Конечно, ведь это преддверие Мандоса.

Маэдрос подозвал к себе брата и тот подъехал молча, вопросительно глядя на него. Маэдрос спросил его:

- Не заблудились ли мы?

- Когда-то я слышал, - откликнулся Маглор, - что у всякого свой путь к Мандосу... Короткий или длинный, полный печали или страха, а может, и любви, но всегда свой. И его надо пройти самому.

- Мы не в Мандос направляемся, - сказал Маэдрос, но голос его звучал не очень уверенно.

Маглор лишь пожал плечами.

- Я часто думал, что наш путь лежит только туда, - сказал он.

- Я никогда не стремился в Мандос, - сказал Маэдрос, сжав зубы. – Поехали!

Он пустил коня быстрее, и теперь ему казалось, что он преодолевает осязаемое сопротивление, будто сам воздух стал густым и непрозрачным. Черный туман застилал его зрение, рыдания свирели становились все ближе. Или это кричит ночная птица?

Огонек впереди появился внезапно, и Маэдрос сначала слегка сдержал коня, вспоминая старую осторожную привычку. Но что могло грозить им в Валиноре, если Валар не преследовали их? И он поехал быстрее, желая подобраться ближе к свету.

Наконец свет приблизился настолько, что Маэдрос сумел разглядеть высокую фигуру с фонарем в руке. Незнакомец был футов девяти ростом и сама его фигура, казалось, источала легкий серебристый свет поверх светло-серых длинных одежд. То был майя.

- Что или кого ищете вы здесь, путники? – спросил он высоким мелодичным голосом.

Эльфы наклонили головы в приветствии и Маэдрос ответил:

- Мы направляемся в дом Вайрэ, досточтимый, но, кажется, ночные тени запутали нас. Мы не знаем, где мы. Мы не знаем, как найти верный путь.

Майя поднял свой фонарь выше и от него вперед полился неяркий, но достаточный, чтобы различить окружающее, свет. Маэдрос ясно увидел слегка светящуюся серебром

нить, уходящую вперед.

- Я иду из Дома Ниэнны, - сказал майя. – Это ее свирель плачет там, впереди. Что до вас... Следуйте за нитью судьбы и вы найдете Дом Вайрэ, - он опустил светильник. Нить осталась мягко сиять.

- Спасибо, досточтимый... - Маэдрос помедлил.

- Олорин. Меня зовут Олорин, - ответил на невысказанный вопрос майя и, немного помедлив, но не дождавшись других слов, продолжил свой путь. Когда Маэдрос через несколько мгновений оглянулся, он уже исчез в тенях.

Теперь, идя по путеводной нити, они больше не теряли дороги. Деревья расступались, обозначилось даже некое подобие тропы. Хотя, насколько знал Маэдрос, редко кто направлялся в окрестности Дома Вайрэ, обычно это делали лишь те, кто особо интересовался прошлым эльдар, желая разузнать о нем побольше. Но во времена его юности в Валиноре эльфы больше думали о будущем, чем о прошлом. Однако, быть может, с тех пор что-то изменилось?

Как бы то ни было, они не встретили никого, пока лес не поредел, и они не выехали на открытое место, сейчас залитое светом недавно взошедшей луны. Посередине его стоял невысокий холм с каменными воротами, которые были закрыты. Маэдрос вздрогнул: этот холм напомнил ему могильные курганы, которых он немало видел в Средиземье, которые возводил и сам. Первая Возрожденная, Та, что Вздохнула, обретя жизнь, как будто снова погребла себя в могиле.

Светящаяся нить подходила к самым воротам и там угасала. Маэдрос и Маглор спешили, кони недовольно косились на холм, беспокойно переступая с ноги на ногу. Маэдрос сказал им:

- Можете идти, мы позовем, когда потребуется.

Лошади ушли в темноту. Маэдрос легко дотронулся до ворот, и они распахнулись внутрь холма. Но там не было темно, как в могиле, чего Маэдрос подспудно ожидал.

Внутри Дом Вайрэ был освещен мягким голубоватым светом. Навстречу братьям, словно соткавшись из теней, выступила женская фигура в длинном бесформенном платье.

- Доброй ночи добрым эльдар, - негромко сказала майя, кивая в знак приветствия. – Что привело вас в Дом Владычицы Вайрэ?

- И тебе доброй ночи, госпожа, - сказал Маэдрос, и Маглор повторил его приветствие. – Здесь нас ждут. Та, что зовут ныне Фириэлью, пригласила нас к себе. Если Владычица не будет против.

Майя кивнула.

- О вашем приходе уже давно уговорено. Хотя не дозволено приходить сюда живущим, но для вас сделано исключение, - сказала она. – Идемте.

Она заскользила внутрь Дома. Маэдрос направился за ней. Конечно, Вайрэ и ее служанки не спросили, кто такие их гости. Им, ткущим историю мира, ведомы все эльдар и их деяния. Все – от величайших подвигов до ужаснейших преступлений. И о сыновьях Феанора здесь знали все.

Сначала Маэдрос не смотрел по сторонам, не желая видеть Гобелены. Он не желал, чтобы здесь его преследовали воспоминания, слишком многие из них были страшными, печальными, отвратительными, многие навевали бы сожаления об утраченном, о сделанном и не сделанном. Но как бы то ни было, почти что против воли, он поднял взгляд. Однако, к его удивлению, он ничего не смог рассмотреть. Хаос красочных пятен покрывал поверхность стен, как будто ткачихи работали вслепую, ничего нельзя было рассмотреть и понять, как будто девы Вайрэ лишь забавлялись, сочетая разные цвета и толщину нитей. Хотя кое-где мелькали вроде бы узнаваемые фигуры – рука, кольцо, драгоценный камень, меч... Маэдрос слегка потряс головой, от пестроты у него начали болеть глаза и он отвел взгляд.

- Здесь вы не найдете Истории, о, сыновья Феаноро, - тихо сказала, будто прошелестела, майэ, не то угадывая его мысли, не то просто рассказывая. – Это внешние Залы Дома, здесь представлено Грядущее. Мы умеем смотреть так, чтобы узнавать его, но для Живущих это сокрыто. Если Воплощенным и посылаются видения, то лишь по воле Владыки Намо или самого Творца. Нельзя просто прийти сюда и узнать будущее.

Слова о видениях вдруг взволновали Маэдроса, он подумал о женщине из снов, но Маглор вдруг спросил:

- А узнать прошлое? То, что было в прошлом, но что сокрыто от живых?

- О том надо спрашивать Владычицу, - ответила майэ, но Маглор умолк и не стал спрашивать дальше, будто испугался. Что он хотел знать? Сам Маэдрос желал бы получить ответы на некоторые вопросы, но не хотел спрашивать саму Вайрэ. Что сделано, то сделано, ничего не изменить. Если от твоих деяний кому-то грозила гибель, но ее отвели, в том нет для тебя оправдания. Живы те дети или нет, вина все равно лежит на ДOME Феанора.

После долгого пути по коридорам, освещенным все теми же голубыми лампами, они подошли к массивной двери темного дерева, ничем не украшенной, не отмеченной никакими знаками. Майэ легко постучала в дверь и изнутри раздался мелодичный мягкий голос, приглашающий войти. Майэ обратилась к братьям:

- Госпожа Фириэль знает, кто прибыл, и моя помощь тут не нужна. Позже я выведу вас наружу, а пока что покину вас.

Она отступила на несколько шагов и как будто растворилась в окружающих тенях. Маэдрос толкнул дверь и вошел.

Эта комната была хорошо освещена множеством ламп с серебристо-белым светом, что напоминало Тельпериион в цвету, хотя ни один светильник ныне не мог сравниться с Древом. Здесь не было много мебели и украшений, разве что небольшой стол, на котором лежали нитки разных цветов, ножницы, иглы на красивых деревянных подставках, возле стола стояли два кресла со светло-коричневой обивкой и небольшая софа. Стены были голыми, не считая светильников, но возле одной из них на огромной раме был помещен полусотканый гобелен.

Маэдрос вдруг подумал, что на нем может быть изображено сожжение кораблей, гибель Феанора или даже его собственные мучения на скале – видеть все это было бы неприятно, хотя он привык смотреть на вещи и похуже, – но нет, картина была мирной и радостной. Просторная, залитая утренним светом гавань, принимала большую флотилию белых кораблей-лебедей. С первого из них сходили на берег две высокие фигуры, в одной из них можно было узнать Глашатая Эонвэ, в другой – принца Ингвиона, полководца ваниар, с белым знаменем в руках. Маэдрос понял, что здесь изображен конец Войны Гнева и возвращение победоносных войск. Он посмотрел на правую руку Эонвэ – тот держал шкатулку с Сильмариллями. Она была закрыта, но из нее пробивался свет, который нельзя было ни с чем спутать.

И который здесь, на гобелене, выглядел не менее прекрасным, чем в настоящем мире.

- Вы тоже будете здесь, - раздался негромкий мелодичный голос, и Маэдрос обернулся на него.

Женщина в темной одежде шагнула из угла комнаты, и ее серебристые волосы засияли в свете ламп. Она была высокой, наверное, немногим ниже самого короля Финвэ, и вровень с женщинами ваниар, которые превосходили ростом нолдор.

- Вот вы какие... - произнесла она тихо, разглядывая братьев.

«Вот вы какая», - подумал Маэдрос, но вслух ничего не сказал, это было бы неучтиво. И он тоже рассматривал Фириэль, находя в ней сходство с сыном, то, чего не было во внешности Финвэ. Вообще Феанор больше походил на отца – и статью, и волосами, и глазами, но все же было в нем и иное: скулы, губы, линия подбородка, как оказалось, повторяли черты матери. Да и во взгляде Фириэли мелькнуло знакомое выражение решительности и упрямства, хотя и смягченное, затененное длинными темными ресницами.

- Раньше я знала вас лишь по видениям тех, кто рассказывает нам Истории, - сказала Фириэль. – Они приходят из внешнего мира, из тех земель, где есть горе и радость, тьма и свет.

- А здесь их нет? – спросил Маэдрос, хотя и знал ответ.

- Нет, - спокойно проговорила Фириэль. – Здесь есть покой.

«Она выбрала покой, покой вместо горя и радости, вечные сумерки вместо тьмы и света. Фэанаро бы ее не понял... здесь они не похожи», - подумал Маэдрос про себя, но ничего не сказал. Он не мог упрекать мать своего отца, видно, испытание ей было слишком тяжело, раз она ушла из жизни сама – среди беспечального Валинора. В нем самом жажда жизни была так велика, что он не мог так сделать даже на той проклятой скале, только попросить Фингона.

Фириэль все смотрела на него спокойным взглядом, рассматривая, но молчала. Конечно, она знала все перипетии жизни и его, и его братьев, но одно дело просто знать, будто вычитав в старой летописи, а другое – увидеть воочию.

- А те, кто рассказывают... - вступил в разговор Маглор, - те, кто рассказывают Истории – они рассказывают вам все и обо всех?

Фириэль посмотрела на него.

- Все и обо всех, - ответила она.

- А можно ли узнать... о чьей-нибудь судьбе? – спросил Маглор неуверенно.

Фириэль посмотрела на него долгим взглядом.

- Я догадываюсь, о чьей судьбе ты хотел бы спросить, - сказала она. – О сыновьях Диора, так?

Маглор лишь кивнул.

- Нет, - ответила Фириэль после краткого молчания, - живым не рассказывают такого. Если хочешь, попробуй узнать у других живых.

Маглор лишь вздохнул. Маэдрос только покачал головой – он и не надеялся ничего узнать, да и на самом деле, не питал иллюзий. Вряд ли внуки Лутиэн канули в безвестность, если о них никто ничего не слышал, значит, они погибли.

Фириэль тем временем пригласила их садиться на кресла и сама села на одно из них, что стояло у рабочего стола. Она сидела спокойная, безмятежная, похожая на одну из статуй Нэрданели. Маэдрос внутренне поморщился, от этой женщины во многом пошла беда дома Фэанора и народа нолдор, и хотя она была им близкой родственницей, все же Маэдрос не мог не думать об этом, не мог перечеркнуть всех бед, что пошли от лишения Фэанора матери.

- Я жалею о том, что не нашла в себе сил жить дальше, - сказала Фириэль тихо. – Мне говорили, что усталость пройдет... я не верила. Они оказались правы, я – нет. А мой сын уже сам ушел в Чертоги Мертвых...

- Он всегда любил вас, - сказал Маглор.

- Я знаю, - наклонила голову Фириэль. – Мне жаль, что мы не узнали друг друга. Я смотрела на Гобелены, я видела его в моменты высших достижений: когда вы, семеро, стояли подле него, когда он создавал Сильмарили, когда вел за собой народ, когда бросал вызов Моринготто. Я видела, как он погиб... И это было тяжело, но погиб он достойно. Хуже было видеть другое, то, как он убивал родичей, предавал брата...

- Его вела Клятва, - твердо сказал Маэдрос.

- Клятва... - в голосе Фириэли послышалась горечь. – Она больше служила Моринготто, чем вам.

- Я не... - горячо начал Маэдрос и осекся. «Я не служил Моринготто», - хотел сказать он. Но разве дела, побужденные Клятвой, не играли на руку Морготу – и только ему? Валар отказали в помощи, войско нолдор разделилось и ослабело, Тингол отказал им в помощи и дружбе, синдар в конце ненавидели их... Все это было службой Морготу. Эти мысли уже приходили ему на ум, но он упорно отгонял их. И вот кто-то осмелился сказать это вслух.

- Вы правы, - проговорил Маэдрос горько.

- Вы правы, - эхом повторил Маглор.

Фириэль вскинула на них свои темные глаза.

- Увы мне, - сказала она, - здесь я обрела прозорливость, которой не хватало мне в первой жизни. Если бы я знала... Просто жить, радоваться мужу и ребенку... другим детям – вот была бы достойная жизнь. Улыбка ребенка... нет ничего дороже. Я не видела моего сына, не видела вас – детьми... быть может, не увижу правнуков. Это тяжело... как будто я прожила жизнь напрасно, хотя меня и восхваляют, как величайшую мастерицу.

- Вы слишком преувеличиваете, - мягко сказал Маглор. – Мастерство, творения искусных рук тоже многого стоят. Подвиги и великие деяния...

Фириэль молчала, поникнув, как увядший цветок. Но она была сильной, она вновь подняла голову, протянула руку и накрыла ее ладонь Маглора.

- Ты прав, - сказала она. – Никогда не надо жертвовать всем ради чего-то одного. Ни семьей ради мастерства, ни мастерством ради семьи. Все должно присутствовать в этой жизни, все должно радовать, так задумал нас Создатель...

Тирион

На обратной дороге в Тирион Маэдрос был задумчив. Они о многом говорили с Фириэлью, рассказывая о Фэаноре и о себе, слушали и ее рассказы. В конце концов Маэдросу стало не по себе в этом темном и слишком тихом месте, и он не переставал удивляться, почему Фириэль выбрала это место для жизни. Стоило ли покинуть Чертоги Мандоса, чтобы оказаться в их подобии? Но нет, наверняка, существование души и жизнь в теле различаются куда больше, чем когда ты лежишь раненым и обессиленным и когда ты здоров и полон сил. А он бы никогда не хотел провести всю жизнь прикованным к постели, уж не говоря о скале...

Много думал Маэдрос и о том, что Фириэль говорила в начале, о семье и детях. Да, Создатель сотворил их такими, что эльфу лучше жить в браке, чем одному. Но не так прост путь к счастливому супружеству, как может показаться. Найти деву себе по сердцу не всегда легко, и тем труднее, чем больше лет проходит. Хорошо Маглору, он уже женат, и хотя жена еще не встретилась с ним, у них есть надежда. Он был уверен, что Альдалотэ придет еще до суда. Когда-то он считал ее предательницей, которая бросила мужа, не отправилась с ним в Эндор, но теперь... многое изменилось теперь. Хотя Клятва осталась неизменной. И Сильмарили...

- Нельо! – окликнул его брат, и Маэдрос увидел, как Маглор приближается к нему. Он слегка сжал бока своего коня коленями, понуждая его замедлить шаг.

Маглор слегка хмурился, как будто был чем-то встревожен. Маэдрос ждал, что он скажет, и Маглор заговорил первым.

- Я думал о Сильмарилях, Нельо, - сказал он. – О Сильмарилях, Клятве, о том, как мы будем жить дальше здесь, - он слегка закусил губу, явно ища слова для дальнейшего разговора.

Маэдрос слегка пожал плечами.

- Я думаю, - сказал он, - Сильмарили попадут в наши руки, так или иначе. Тогда Клятва завершится, и мы сможем жить по своему усмотрению.

- Пусть Валар отдадут нам Сильмарили, - продолжал Маглор, - но сможем ли мы их удержать?

- Почему нет? – нахмурился в свою очередь Маэдрос. – Сильмарили – наши по праву и...

- Очень уж много всего было, - покачал головой Маглор. – Наши руки в крови, мы запятнали себя... а что, если Сильмарили уже не принадлежат нам? И мы не сумели их удержать тогда, давно, а ведь только тот вправе зваться хозяином, кто может удержать свое...

Намеренно или нет, Маглор почти повторил слова Маэдроса на том давнем совете, где Маэдрос насмеялся над Тинголом. Маэдрос почувствовал, что в нем закипает гнев.

- И ты туда же, Кано? – спросил он раздраженно, сжимая единственной рукой пояс, чтобы не поддаваться искушению схватить Маглора за грудки и слегка потрясти, чтобы привести в чувство. – И ты сомневаешься в нашем праве на Сильмарили?! Да, может быть, отец слишком уж погорячился, Клятва требовала чересчур многого, но сомневаться в самом нашем праве?.. Это речи Моринготто, да!

Маглор слегка отпрянул назад, очевидно, испугавшись горячности брата. Но потом снова подался вперед.

- Глуп я был, когда повторил за отцом Клятву. Об этом я жалею так же, как и о том, на что эти слова нас сподвигли. А теперь – еще больше, чем всегда.

Он замолчал и отъехал от Маэдроса, который, угрюмо глядя перед собой, даже не попытался ответить ему.

Тирион встретил их пеленой туч на небе и легким весенним дождем. Вскоре новые зерна лягут в землю, распустятся новые бутоны, чтобы превратиться в зреющие плоды... Жизнь совершала очередной круг в своем вечном движении.

Маэдрос засел в своей комнате в доме и не желал никуда выходить. Слишком о многом надо было подумать, многое вспомнить, многое решить. Когда он давным-давно уходил отсюда в Форменос, то взял немного из вещей. Тогда они готовились к битве, желали сделать свою крепость неприступной – для Финголфина ли или даже для самих Валар, и потому для многих украшений, предметов роскоши, «побрякушек», как называл это Феанор, не было ни места, ни времени. Сильмарили, конечно, «побрякушками» не были, как и другие драгоценности работы самого Мастера. А вот всякие поделки сыновей, ученические или не слишком удачные, или чересчур простые, сделанные в минуту скуки, все это оставалось здесь. Или, точнее, не все, кое-что было в мастерских, что стояли неподалеку от Чертогов самого Владыки Аулэ – там работали самые искусные и увлеченные мастера. И, конечно, среди них были Феанор и его сыновья...

Стараясь отвлечься от мыслей о Клятве и предстоящем суде, которые совсем измучили его, Маэдрос перебирал безделушки, оставшиеся в ящиках его рабочего стола дома. Что-то заставляло его усмехнуться, вздохнуть или пожать плечами – надо же, когда-то здесь жил такой юный и беззаботный эльда, для которого самым трудным вопросом было: подходит ли именно эта бирюза к глазам Нерданели, чтобы сделать ей подарок ко дню Начала Года? Как оказалось, не подошла, оттенок был немного другим, и Маэдрос бросил несколько полугогранных бусин в ящик. А теперь нашел их и задумчиво катал между пальцами. Когда он только вернулся сюда, то поразился, как мало здесь было грязи и пыли. Наверное, Нерданель вычистила дом сверху донизу, пока ждала их. Да и вообще, в Валиноре грязи было немного, она копилась медленно, в отличие от Эндора – Маэдрос вспомнил, как его поразила грязь, быстро запятнавшая их лагерь всего за месяц после высадки. А потом пришли орки и чудища, разразилась битва и...

Ну вот, он снова думает о том проклятом времени, худшем из их жизни в Эндоре, не считая, наверное, времени после Третьей битвы за Сильмариль! Лучше не думать об

этом, лучше попробовать вновь собрать свою жизнь из осколков здесь. Надо снова жить, а не прозябать в ожидании решений Валар, которые никогда не отличались торопливостью. Может, вернуться к прошлым увлечениям, навестить мастерские? Мастер из него, с одной-то рукой, не лучший (при этой мысли Маэдрос только усмехнулся, «не лучший» - это было мягко сказано), но кое-что он еще мог. А где же и искать себя и свою судьбу сыну Феанора, как не в Чертогах Аулэ?

Маэдрос быстро встал с кресла, накинул плащ – на улице опять шел дождь. Маглора он не стал ни искать, ни звать с собой, уж Певец-то никогда особо не любил жарких и душноватых мастерских, предпочитая для своих песен поля и рощи Валинора. Вот и сейчас куда-то ушел – и Маэдрос даже догадывался, куда, но ничего не сказал Маглору, боясь спугнуть удачу. Пусть хотя бы Певец склеит свою разбитую жизнь, пусть хотя бы его семья устоит перед временем и Клятвой.

Так Маэдрос один и зашагал к Чертогам Аулэ. Располагались они вне городских стен, и Аулэ единственный из Валар обитал близко от города нолдор. Точнее, это нолдор когда-то устроили свой город неподалеку от него. Владыка подземных недр устроился неподалеку от гор, как раз там, где сходились (его же помышлением) несколько крупных копей, в одних добывали металлы, в других – драгоценные камни. Были тут и горные леса, дававшие необходимую древесину, и ручьи, вращающие водяные ворота и дающие воду для кузниц...

Сами Чертоги находились в глубине гор, в пещерах, а вот мастерские нолдор были и там, и на поверхности. Феанор устроился снаружи, говоря, что не любит зарываться глубоко в землю, что эльфу нужен простор и небо над головой, и воздух с далекого востока, с необозримых просторов Эндора. Поэтому он поставил кузницу в укромной долине одной из гор, поблизости от широкого ручья. Поначалу Феанор работал только там, а вот с началом Непокоя устроил тайные мастерские гораздо дальше на севере, рядом с местом, где позже был возведен Форменос. При его разрушении кузница была засыпана обломками, и там остались погребенными много клинков и доспехов.

Но Маэдрос не стремился туда, на самом деле, ему давно уже опротивели даже мысли о битвах и оружии. Несмотря на то, что он был одним из лучших мечников и полководцев нолдор (а кое-кто поговаривал, что и лучшим), он не любил «танца мечей», как иногда называли битву. Это было не удовольствие, а работа, тяжелая, неприятная, отвратительная. Ему претило, когда ему возносили хвалы только за это, как будто в работе мясника или мусорщика есть что-то хорошее и притягательное!

Как бы то ни было, теперь Маэдрос надеялся отложить меч надолго, если не навсегда. Не будут же Валар столь несправедливы, чтобы не присудить им Сильмарили! Мало ли, что говорил Эонвэ, он далеко не так мудр, как Владыка Манвэ, он не мог знать и понять всего, что они пережили и перенесли ради этих Камней.

Маэдрос с раздражением потряс головой: несмотря на желание отвлечься, он снова стал думать о Сильмарилиях и их возвращении. А ему хотелось не этого, ему хотелось войти в старую кузницу, разжечь огонь в горне, взять малый молот в руку и вновь сделать что-то для мирной и приятной жизни. А еще хорошо было бы, чтобы там его встретил отец и братья, они бы сами развели огонь и...

Маэдрос вдруг остановился. Он подошел уже довольно близко к их старым мастерским и уже мог заметить, что из трубы поднимается дым. На миг он будто провалился в прошлое, решил, будто отец и братья пришли раньше него и уже разожгли горн. Но этого быть не могло. Значит, тут кто-то пробавляется чужим добром!

Он вновь зашагал, теперь быстрее, уже не обращая внимания на окружающее, только видя перед собой старую дверь кузницы из темного железа с откованным на ней гербом Феанора в виде круга и языков радужного пламени. Это был знак разностороннего познания, неумемного любопытства, которым отличались нолдор и Феанор, самый искусный из них.

Маэдрос приблизился к двери и рванул ее на себя, сжав губы в тонкую линию. Он не позволит распоряжаться здесь всяким чужакам! Он...

Он еще не успел придумать, что скажет и сделает со вторгшимися неожиданными гостями, как почувствовал толчок с другой стороны и чуть не столкнулся в двери с неким весьма молодым эльфом, резко отпрянувшим назад при виде Маэдроса.

- П-простите! – воскликнул юноша, виновато глядя на Маэдроса. Тот посмотрел на него тяжелым взглядом, ничего не ответил и шагнул вперед. Юноша посторонился и, похоже, раздумав выходить, так и остался на месте, глядя на сына Феанора.

Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга, пока юноша не сказал:

- Мы тут... просто... - и растерянно умолк, похоже, не находя слов для объяснений.

- Просто решили занять пустующее место, все равно сюда больше никто не придет? – решил помочь ему высказаться Маэдрос, улыбнувшись так, что юноша слегка вздрогнул.

- Ну... что-то вроде этого, - промямлил он, окончательно сникнув.

Внутри мастерской послышался шум, и Маэдрос понял, отчего незваный гость говорил «мы». Он отвернулся и толкнул следующую дверь, которая вела из коридора в ювелирную часть мастерской – на ней была золотом выложена тенгва «мальта»*.

Маэдрос шагнул в проем и остановился, будто окаменев. Да, этого надо было ожидать. Он встретил эльфа, которого убил.

Маэдрос чуть не захлопнул снова дверь, пытаясь отрезать себя от пугающего призрака прошлого. Да сначала ему и показалось, что он видит призрака, ведь последний раз он видел этого эльфа уходящим в Незримый мир из разрубленного Маэдросом тела. Этот тэлоро храбро сражался, орудуя морским гарпуном на борту одного из самых больших кораблей, который потом стал флагманом флота нолдор, ибо на его борт поднялся Феанор. Тэлоро был высоким для своего народа, ростом с мужчину-нолдо, и сильным, он явно поднатерел в морской охоте, поэтому гарпун был для него привычным оружием. Он

наносил страшные раны, пробивая даже кольчуги, и несколько нолдор из ближайших соратников Феанора упали, обливаясь кровью, и даже сам Феанор едва избежал падения в воду. Предводитель нолдор, однако, не испугался, он не боялся даже Мелькора – что ему был какой-то гарпунщик! Но что-то пошло не так, меч Феанора лишь скользнул по древку гарпуна, следующий удар тэлоро был направлен в грудь сына Финвэ, когда Маэдрос, сражавшийся справа от отца, закричав, ударом своего меча сумел отклонить гарпун с его гибельного пути и пронзить шею морехода...

Это не была первая жертва Маэдроса, но разверстая рана приковала его взгляд, заставляя испытать тошноту. А когда он оправился через несколько мгновений, отец уже ушел вперед, а сзади раздались крики воинов отряда Фингона...

И вот теперь это тело зарастило страшную рану и с лица, искажившегося тогда в агонии, теперь смотрели на Маэдроса спокойные глаза. Впрочем, в них тоже мелькнуло удивление. Особого тепла в этих глазах не было, но не было ни гнева, ни страха.

Эльфы несколько мгновений мерили друг друга взглядами, не двигаясь с места. Наконец, Маэдрос с усилием одолел потрясение и шагнул внутрь. Тэлоро немного посторонился, но уходить не стал, только смотрел на внезапного гостя... которого стоило бы назвать хозяином.

Маэдрос огляделся. Мастерская не выглядела запущенной и грязной, но и особых перемен в ней, вроде бы, не было. Хотя на рабочем столе лежало не то, что оставил здесь когда-то Маэдрос, не полусделанный золотой браслет, который Маэдрос делал для свадьбы одного из своих друзей за день до ссоры сыновей Финвэ и суда над Феанором. Свадьба тогда расстроилась, невеста отказалась последовать за былым возлюбленным в Форменос, да и жених уже сотню лет назад лег в землю Средиземья при падении Дориата. Все пошло прахом и тленом в те беспокойные времена...

Теперь на столе лежала серебряная ветка, из которой, кажется, хотели сделать венец. Может, тоже на свадьбу?

Эта мысль почему-то успокоила и даже обрадовала Маэдроса, хотя что ему за дело до чужих свадеб? Но это означало, что жизнь продолжается, и в Валиноре все идет своим чередом.

- По какому праву вы заняли это место? – твердо спросил Маэдрос, окончательно справившись с потрясением. Как бы то ни было, а отбирать свое он никому не позволит.

- Мы думали, вы не вернетесь! – выпалил младший эльф, пока старший молчал, все так же спокойно глядя на Маэдроса. После этих слов старший бросил на младшего укоризненный взгляд и тот умолк.

- В общем и целом мой сын сказал верно, хотя и слишком поспешно, - заговорил, наконец, Воскрешенный. – Мы, и правда, не думали, что вы вернетесь.

- И поспешили взять то, что вам не принадлежит! – с усмешкой бросил ему Маэдрос и тут же осекся. В конце концов, это они первыми из эльфов взяли то, что не принадлежало

им.

Его собеседник, похоже, подумал о том же, и насмешливо посмотрел на Маэдроса. Тот в раздражении сжал кулак, оглядывая мастерскую. В Валиноре было слишком много воспоминаний об этом преступлении. Впрочем, в Средиземье их было не меньше.

- Если хочешь, мы уйдем, - сказал старший эльф.

Маэдрос вздохнул и разжал кулак.

- Оставайтесь, - попросил он.

Убитого Маэдросом эльфа звали Тьелперо, и он был не только моряком, но и серебряных дел мастером. Воля к жизни в нем оказалась так сильна, что он недолго пробыл в Чертогах. А ведь там еще до сих пор оставалось немало убитых тэлери, слишком велико было потрясение от того, что их убили сородичи, и они не хотели выходить оттуда. Он же не хотел оставаться, но когда обрел новое тело, то не вернулся в Альквалондэ – слишком многое напоминало там о горе и потерях. Валмар был слишком уж светел для него, привыкшего к полутьме побережья. Да и чересчур далек от моря. Оставался Тирион.

- Здесь я нашел свою судьбу, - сказал Тьелперо. – Одна из ваших дев, лучшая из них, стала моей женой. Здесь у меня родился сын, - он улыбнулся сыну, сидящему рядом.

- Как же ты смог?.. – Маэдрос не окончил фразу.

- Остаться среди родичеубийц? – продолжил за него Тьелперо, слегка улыбнувшись. – Если бы я не простил вас, я остался бы в Мандосе. Такие там были, да, - сказал он, теперь нахмурились. – Уж не знаю, как сейчас...

Какое-то время все молчали, потом Тьелперо снова заговорил.

- Так что я не держу на тебя зла, лорд Майтимо. Тем более, - он покосился на правый пустой рукав Маэдроса, - говорили, у тебя было немало испытаний там, в Эндоре. Я не хочу еще большей расплаты. А что до мастерской – она стояла пустая, вы ведь не собирались возвращаться. Но ее избегали, как будто... как будто над ней висит проклятие.

При этих словах Маэдрос вдруг вспомнил о развалинах Нарготронда, которые тоже опасались посещать – из-за памяти о Золотом Черве. От подобного сравнения его передернуло, но совсем избавиться от этой мысли он не мог.

- Но я не стал бояться и решил, что... мастерская за корабль – это будет честно, - продолжал Тьелперо. – Теперь делаю венец на свадьбу сыну, - он покосился на младшего эльфа.

- Поздравляю, - сказал Маэдрос и его охватило теплое чувство. Он угадал – это

украшение на свадьбу. Жизнь продолжается.

- Если хочешь, мы уйдем, - сказал Тьелперо, глядя в глаза Маэдросу.

- Оставайтесь, - со вздохом сказал Маэдрос. – Ты прав, это честно... да и не нужна нам с братом мастерская. Он больше любит петь и играть на арфе, а меня ты видишь, - он без смущения поднял искалеченную руку. - Оставайтесь и будьте счастливы.

Когда Маэдрос вернулся домой и рассказал все возвратившемуся Маглору, брат согласился с ним.

- И правда, пусть лучше так, чем мастерская стоит пустой, - сказал Маглор.

Маэдрос рассмеялся, встал с места и зашагал по комнате.

- Мы стали совсем другими, - сказал он с немного злым весельем. – Представь себе, что бы раньше сказал кто-то из дома Феанаро, если бы заняли его место!

- Отец преследовал бы его до конца мира, - с невеселой усмешкой ответил Маглор.

- Но все меняется! – воскликнул Маэдрос. – Происходит невозможное и немыслимое! Может, нам вернут Сильмарили, может, закончится Клятва, я женюсь и у меня отрастет новая рука! Да, именно так!

Он поднял правую руку, но вдруг уронил ее и опустился на кресло, сгорбив плечи.

* «Мальта» - «золото», означает мастерскую, где работали с золотом и серебром. По совпадению это и первая буква имени Маэдроса.

Дорога в Валмар

Дни шли за днями, наступало время цветения. Валинор в эту пору был особо прекрасен, приветствуя вечною Вану, и даже на душе у Маэдроса потеплело. Маглор же возвращался из своих, ставших весьма частыми, отлучек просто светящимся, и Маэдрос понял, что у брата все пошло на лад. И верно, однажды тот сообщил, что Альдалотэ решила вернуться к нему, и сразу же после решения дела с Сильмарилями они поселятся в своем доме, недалеко от Дома Феанора.

- Решения дела с Сильмарилями? – вскинул брови Маэдрос. – А ты уверен, что нам их отдадут?

Маглор только махнул рукой.

- Я больше никогда не променяю жену на камни, - сказал он твердо. – Как бы ни решили Валар, я останусь здесь с ней – и будь, что будет!

- Ты так говоришь, будто Вечная Тьма - какая-то ерунда, а не самая страшная участь, - сказал Маэдрос. – Да и верность слову – не пустой звук.

- Слишком часто мы ради верности роду бросали все и вся, а что до Вечной Тьмы, то если мы будем действовать, как раньше, она поселится прямо в наших душах, - ответил Маглор решительно. – Я этого не хочу.

Маэдрос внимательно посмотрел на него, но не стал спорить. Ему не хотелось спорить сейчас, когда цветущая яблоня роняла лепестки прямо в их открытое окно, а легкий теплый ветер колебал кружевные занавеси. Он вспомнил странные видения и сны, что преследовали его в Валиноре, и эти воспоминания наполнили его теплом. Ему не хотелось больше сражаться, ему хотелось танцевать на чьей-нибудь свадьбе или услышать новое имя на празднике Имянаречения. Легкие мысли, светлые желания, от которых он давным-давно отвык.

«Может, нужно снова привыкать?» - спросил он себя и вдруг рассмеялся.

- Что это ты? – покосился на него Маглор.

- Да вдруг подумал, - ответил Маэдрос. – Берен когда-то, говорят, играл словами – мол, сокровище у него в руке, а что рука в брюхе у Волка – так это совсем другое дело. А мне... может, мне вторую руку отрубить – тогда и Клятва кончится, мол, держать камни больше нечем?

- Ну и шутки у тебя, братец, - покачал Маглор головой. – Лучше уж как-нибудь по-другому.

- Да скоро ли будет все это? – сказал Маэдрос с тоской. – Лучше уж любые новости, чем это ожидание!

Но их ожидание закончилось быстрее, чем они думали. Через два дня после этого

разговора, когда оба брата сидели во дворе, любуясь заходящим солнцем, над ними появился огромный орел.

- Через две недели, на закате, в Валмаре! – проклекотал он и улетел, не опустившись на землю, впрочем, для него бы здесь просто не хватило места.

Братья переглянулись.

- Вот и все, - нарочито спокойно сказал Маэдрос. Он потянулся к рукояти меча – но на поясе было пусто, они оставили мечи в доме.

- Все решится быстрее, чем я думал, - сказал Маглор. Он вскинул голову: - Что же, я успею еще досочинить новую песню!

«Последнюю», - мелькнуло вдруг в голове у Маэдроса, но он только тряхнул головой – не хватало еще хоронить себя раньше времени! Нет уж, они еще поборются за свое наследство!

За два дня до назначенного, на рассвете, в дверь их дома постучали, и после дозволения войти появился Финрод. На удивленный взгляд Маэдроса он ответил:

- Слишком мало нас здесь... осталось. Я решил, что поеду с вами. И отец сказал, что это правильно. Он тоже поедет, но я решил, что он и без меня в дороге обойдется, а вы – нет.

- Спасибо. Ты – друг лучше многих.

«Но не лучше Финдекано», - подумал он про себя и лишь вздохнул. Фингону еще долго избывать грех Альквалондэ в Мандосе. А ведь он почти и не был виновен, он лишь хотел помочь родичам и друзьям, он был обманут поспешными мыслями... И все же – виновен. И, зная друга, Маэдрос понимал, что больше всех винит себя сам Фингон.

Они собрались быстро, а Нерданель дала им на дорогу съестных припасов и отдельно подала лембас, завернутый в листья маллорна.

- Пусть это поддержит вас в пути, - сказала она. – И пусть мое благословение пребудет с вами... всегда.

Она поцеловала сыновей в лоб. На самом деле Нерданель хотела ехать с ними, но Маэдрос отговорил ее. Он хотел, чтобы она осталась дома и ждала... этот дом должен был стать их якорем в изменившемся мире Валинора, их поддержкой и светлым воспоминанием.

- Мы вернемся, мама, - заверил ее Маглор, целуя ее в щеку на прощание.

- Они вернуться, - поддержал его Финрод. – Валар милосердны.

Маэдрос в этом не сомневался, но Валар были и справедливы. А зла они причинили

немало. Неужто им просто отдадут Сильмарили – и все? Вряд ли.

Меч он, поколебавшись, оставил дома. А Маглор о своем и не вспоминал с первого же дня, как вернулся сюда.

Выйдя за городские стены, братья призвали себе коней – пришли те же, на которых они ездили к Дому Вайрэ – и не спеша отправились в путь. Лошади шли ровно по дороге из серого камня с золотыми искрами, по бокам дороги росли деревья для тени над путниками, слева бежал звонкий ручей. С водой в дороге всегда веселее, это знал любой эльф.

Маэдрос разглядывал такой привычный – и такой незнакомый Валинор. Свет Ариэн многое поменял, осветил то, что было скрыто, затенил то, что было освещено. Отсвет Смертных Земель лежал теперь на Валиноре, и теперь пропасть между Валинором и Эндором стала меньше. Это радовало Маэдроса – как ни была прекрасна его родина, земли за морем он полюбил не меньше. Когда он поделился своей мыслью с Финродом, тот согласился и добавил:

- Говорят, Тол Гален был похож на эти берега, когда его освещал Сильмариль. Только там было наоборот: отсвет этих берегов лежал на тех, - он виновато покосился на Маэдроса: - Прости, что напоминаю тебе об этом камне.

- Ничего, - неожиданно легко для самого себя сказал Маэдрос. – Я уже давно привык, что он теперь – третье Светило, главная из звезд.

Финрод кивнул, но продолжать разговор не стал.

Они разговаривали мало, каждый думал о своем. Маэдрос не желал строить предположения, чем закончится суд, положившись на высшую волю. Он теперь все больше думал о простых, окружающих его вещах, о траве, деревьях, камнях, которые он видел по дороге. Он смотрел на брата – а тот мечтательно жмурил глаза, довольно улыбаясь, и Маэдрос понимал, что он думает о жене. Похожее мечтательное выражение было и у Финрода, и на привале выяснилось, в чем тут дело.

- Так ты женишься на Амариэ-ваниа? – переспросил Маглор в ответ на новость. – Поздравляю!

- Мы долго ждали... очень долго, - сказал Финрод. – Слишком долго.

- Неужто – со времен Исхода? – ахнул Маглор, догадавшись. – А ведь мы и не знали!

- Почти никто не знал, - сказал Финрод с немного смущенной улыбкой. – Ни отец, ни братья, ни сестра... только мама догадывалась. А еще знал Турьо – но он обещал никому из родичей не говорить!

- Что в сокровитом Гондолине было нетрудно, - улыбнулся Маэдрос.

- Раз она не пошла со мной, никому в Эндорэ это уже было неинтересно, - вздохнул

Финрод. – Но теперь все разъяснилось и завершилось. Как должно.

Они вновь отправились в путь после легкой трапезы, и Маэдрос думал о предстоящей свадьбе Финрода, о том, что и Маглор скоро соединится со своей Альдалотэ... Тут ему на ум стали приходить все его видения и сны о странной то ли знакомой, то ли незнакомой женщине. Он стал перебирать эти воспоминания, будто драгоценности, и пришел в такое приятное, умиротворенное состояние, в котором не был очень давно. Пожалуй, со времен Осады Ангбанда, когда на их долю выпали долгие мирные дни, не омраченные потерями. Взять хотя бы ту охоту с Маглором и Финродом...

Это воспоминание повлекло за собой другие, Маэдрос принялся вспоминать о людях, что служили ему, об Амлахе и его соплеменниках. Их было совсем немного, не то что многочисленные народы Дортониона и Хитлума, но это были сильные и преданные воины. Маэдрос бывал несколько раз в их селениях, видел их жен и дочерей.

При мысли о человеческих женщинах Маэдрос вдруг поймал краешек какого-то воспоминания, ему показалось, что еще чуть-чуть – и он найдет ответ, но тут его позвал брат и все рассыпалось. Маглор желал пропеть только что сочиненную им песню – про деревья, ручей, дорогу и солнце – так эльдар часто делали в пути. Маэдрос сначала немного рассердился, но потом только тряхнул головой и рассмеялся. Легкое настроение не покидало его, хотя, казалось бы, ему стоило тяжело размышлять, пугаться и одолевая страх, испытывать отчаяние и разочарование. Но ничего этого не было, как будто он ехал не на суд, а на обычную прогулку.

Заночевали они, отойдя от дороги на несколько фарлонгов – все равно здесь со времен запустения Тириона редко кто ходил и ездил, и никто не помешал бы их отдыху. Зажгли небольшой костер, не столько ради тепла, сколько ради приятного времяпрепровождения. Валежника вокруг было достаточно. У костра съели нехитрый ужин, выпили немного вина, и сидели, говоря о разных пустяках. Маглор вдруг поднялся и сказал, что ему хочется немного погулять под звездами одному. Маэдрос только кивнул и они остались у костра с Финродом вдвоем.

Разговор перешел на предстоящую свадьбу Финрода и Амариэ, и Маэдрос с улыбкой выслушал все похвалы красоте и прочим достоинствам Амариэ. Когда-то он видел ее и признавал, что она красива, хотя, на его взгляд, не больше, чем многие другие ваниэр. Но у Финрода было иное мнение.

Наконец Финрод более или менее иссяк, и Маэдрос решил рассказать о женщине из своих видений. Он знал, что Финрод был искушен в тонких материях снов и провидения, как и многие ваниар и их потомки.

Финрод выслушал его внимательно и с неподдельным интересом, иногда задавая уточняющие вопросы и хмуря в задумчивости брови. Когда Маэдрос закончил, он некоторое время молчал, потом сказал:

- И ты не догадываешься, кто бы это мог быть? Не замечал ли ты, здесь в Валиноре или в Эндоре, кто из дев смотрел бы на тебя... с любовью?

Маэдрос только покачал головой.

- Я мало всматривался в женские лица, - признался он с внезапной грустью. – Иногда я видел в женщинах товарищей-воинов, мудрых советниц, мастериц – но никогда не думал хотя бы об одной из них, как о супруге.

- Но эти видения говорят о... - Финрод внезапно замолчал, будто не желая что-то выдать или обидеть Маэдроса. – Даже не знаю... Если ты не нашел любви в юности, как большинство из нас, то это означает редкую необычную судьбу.

- В Эндорэ было не до свадеб, особенно на северных границах, - тяжело сказал Маэдрос, который уже начал немного жалеть о своей откровенности. – Хотя иногда я и думал, что лучше бы мы больше думали о свадьбах и танцах, чем о битвах и мечах. Но это смертные способны любить на краю гибели и рожать детей даже посреди кровавой войны. Мы же не таковы по своей природе.

- Есть один способ, - Финрод потеревил прядь волос. – Только для него надо доверять друг другу до конца.

- Тебе я доверяю, - не раздумывая, сказал Маэдрос.

- Хорошо, - кивнул Финрод. – Я знаю одни чары, они позволяют заглянуть в глубины памяти другого так, как он не сможет заглянуть сам, и вывести наружу сокрытое. Но для этого нужна полная открытость разума.

Маэдрос слегка вздрогнул. Полная открытость разума означала, что некто другой увидит все твои тайны. Все недостойные мысли, все постыдные поступки, всю глубину отчаяния... Но – иначе он может никогда не узнать разгадки этой тайны. Вдруг после суда в Валмаре уже не останется *ничего*?

- Я согласен, - спокойно сказал он.

Они сели, подогнув колени, друг напротив друга, рядом с костром, огонь, по словам Финрода, помогал сосредоточиться, расплели волосы и сняли пояса и обувь, чтобы дать свободно течь первоначальной Музыке, на которой строится любое чародейство в Арде. Финрод предложил взяться за руки, такой контакт тел позволял теснее сблизиться и их душам. Маэдрос подал ему обе руки – целую и искалеченную, и Финрод не обнаружил ни унижительной жалости, ни любопытства, хотя и не видел раньше его правой руки без рукава.

Финрод попросил его сидеть тихо и спокойно, и Маэдрос легко подчинился, он привык к чуткой неподвижности дозорного и разведчика. Сын Финарфина взглянул сыну Феанора прямо в глаза, стараясь разглядеть за ними глубины чужой души, и тихо запел.

Сначала мелодия была простой, легкой, похожей не то на журчание ручейка, не то на звонкий летний дождь. Она несла с собой спокойствие, легкую дремоту, как будто они

сидели под серебристыми ивами в сонном Лориэне. Маэдрос прикрыл глаза, они уже не были нужны, музыка уводила их в Незримый Мир, туда, где скрывались сны, грезы, видения, воспоминания, неясные пророчества. Он как будто покинул тело и несся в темное небо, пролетая между искрами звезд.

Звездная темнота скоро исчезла, превратившись в сияние Лаурэлин и Тельперииона, и Маэдрос вдруг увидел, что оказался снова в Валиноре своей юности. Сотни картин-воспоминаний вставали перед его взором: праздники и будничные трапезы, труды в мастерских и работа в доме и саду, охота, состязания в силе и ловкости, танцы, разговоры, раздумья и грезы в одиночестве, все это он видел и испытывал вновь. Тысячи знакомых лиц, мужских и женских, проносились мимо него, тех, что погибли, и тех, что остались живы – но среди них не было женщины из снов.

Застучали молоты, зазвенели мечи, вновь произносил пламенные речи Феанор, и они давали Клятву – но и среди сонма гневных, жаждущих мести нолдор он не нашел той, что искал.

Не было ее среди тэлери Альквалондэ, не было среди робких синдар Митрима.

Вновь заслонила собой все черная туша Горы-Деспота, ужасного Тангородрима, зияли жуткие пропасти, разевали жадную пасть подземелья, жерло выбрасывало яркий огонь – но и в Ангбанде, к огромному облегчению Маэдроса, ее не было.

Воспоминания немного замедлились, широкой рекой разлились дни Долгого Мира. Путешествия по неизведанным землям Восточного Белерианда, плоская вершина Химринга, возведение грозной серебристо-серой крепости. Но ни среди дочерей нолдор, родившихся в Средиземье, ни среди ловких, слившихся со своими лесами лайквэнди ее не было.

Люди... Немногочисленный род Амлаха, выстроивший свои селения под сенью Химринга. Несколько быстро сменившихся поколений, перешедших от грубой полукочевой жизни к жизни воинов и мастеров, во всем подражавших эльдар и схожих с ними обликом и нравом. Сотни лиц, мужских и женских, юных и старых – и среди них одно...

«Она!» - как будто удар молнии поразил Маэдроса и музыка оборвалась.

Теперь он видел его в подробностях. Светлые волосы и необычного орехового цвета глаза. Не совсем правильные, но милые черты. Рост выше женщин лайквэнди, но ниже нолдиэр. Гибкий стан, белые руки. Он видел ее, когда приезжал в главное селение рода Амлаха, видел рядом с лошадьми, видел, смотрящую на него во все глаза, но едва заметил. Тогда он спешил на встречу со старейшиной людей, а через десять дней началась Нирнаэт Арноэдиад.

«Это была твоя судьба», - зазвенел голос в голове Маэдроса, но свой ли, Финрода или иного, высшего существа, он не понял.

Маэдрос резко ощутил себя вновь в своем теле, сидящим у почти догоревшего костра. Финрод отпустил его руки, но не встал, и так же глядел в глаза Маэдроса. Маэдрос

выдохнул воздух – он задержал дыхание надолго, сам того не замечая.

- Это была она? – хрипло спросил он.

- Насколько я понял – да, - ответил Финрод, - хотя решить должен ты сам. Я был всего лишь проводником.

- Да, - сказал Маэдрос себе и Финроду. – Я нашел ее. И потерял навеки, - горько заключил он. – Даже если она не погибла после Битвы Слез и взятия Химринга, она давно умерла, ведь жизнь смертных так коротка. А я потерял все, потому что думал о мести, о войне, о Клятве – о чем угодно, кроме своего счастья!

- Не говори так, - строго сказал Финрод. – Ты ведь знаешь о разговоре, что я вел с Андрет?

Маэдрос кивнул.

- Она записала его, - сказал он, - несколько списков сохранилось у людей, а потом их прочли и эльдар. Я узнал об этом во время Войны Гнева.

- Тогда ты знаешь о видении, что посетило меня, - Финрод вновь смотрел ему в глаза.

- На самом деле я думал... - медленно проговорил Маэдрос, - что ты просто... утешил ее.

Финрод сердито взмахнул рукой.

- Я никогда не стал бы так обманывать, - сказал он немного раздраженно, - странно, что ты так думаешь обо мне.

- Прости, - покаянно сказал Маэдрос. – В то время я о многом думал... так.

- Нет, видение было истинным, - сказал Финрод, успокоившись, - насколько я могу судить. Здесь я спрашивал об этом Владык, и они согласились со мной.

- Значит... они все ждут нас там? – сказал Маэдрос потрясенно. – Все... смертные и эльдар, наши друзья, наши родичи, которые до Конца Арды заключены в Мандосе?

- Да, - медленно сказал Финрод. – Да, это так.

- Благодарю тебя, - Маэдрос стиснул его руку своей левой рукой. – Я нашел то, что искал.

Валмар

Маглор вернулся только под утро, когда оба его спутника молча сидели у костра, погрузившись в грезы. Маэдрос тогда пробудился, но ничего не сказал, только поглядел на брата. Тот тоже не стал ничего спрашивать, лишь тронул струны своей маленькой дорожной арфы, и она отозвалась переливчатым звоном. Маглор присел рядом с Маэдросом и затих, а когда через час показались первые рассветные лучи, они стали собираться в путь.

Теперь дорога шла между полей пшеницы Йаванны, которые сейчас были ярко-зелеными, еще не золотясь на солнце, как перед Праздником Урожая. День был ясный, ветреный, иногда по небу проносились белые облака, но они совсем не походили на дождевые. Ветер дул с запада, казалось, прямо из Валмара, чьи золотые купола уже ясно виднелись впереди. Высоко в небе парило несколько орлов, но не из великих, посланцев Манвэ, а обычных. Впрочем, как было известно, все птицы, кроме извращенных Морготом, служили Владыке Ветров. Это не говоря о майяр, которые принимали обличье птиц.

Но Маэдрос не думал о том, что за ним наблюдают с высоты, все его мысли были заняты тем, что ему открылось прошлой ночью. Его судьба прошла так близко, а он и не заметил ее, ослепленный призрачным светом Сильмарилей далеко на севере. Да стоят ли эти Камни хоть одного взгляда любящих глаз?

Кажется, именно так и думал Берен, когда давал свою клятву, хотя смертному это простительно, он ведь не видел знаменитых драгоценностей до того. Может, потом он думал по-другому, когда получил Сильмариль после гибели Тингола. А вот Маэдрос знал, что это такое. Знал, какой притягательностью обладают эти творения Феанора.

И все равно думал об этой цене.

Они подъезжали все ближе к городу, и дорога перестала быть пустынной. Хотя ваниар и понесли потери в Войне Гнева, все равно Валмар и его окрестности было не сравнить с опустевшим Тирионом. В главную дорогу вливались другие, неширокие, мелкие дороги, идущие от небольших поселений, и то и дело на них появлялись путники, то идущие пешком, то едущие верхом, одинокие или целой компанией, мужчины, женщины, дети... Одни ехали тихо, другие разговаривали или пели. Знакомых лиц Маэдрос не видел, впрочем, он и раньше редко посещал Валмар, а со времен Непокоя и вовсе перестал туда ездить, как и отец. И теперь он узнавал знакомые места, и, как и раньше, воздушная красота Валмара радовала глаз и ранила душу.

Уже близился полдень, поэтому трое путников ускорили шаг своих коней. Приближались золотые врата Валмара и Маханаксар, место суда. Ваниар вокруг не особо обращали на них внимания, но не подчеркнуто игнорировали – они как будто после первого взгляда вписывали их в гармонию окружающего мира и воспринимали незнакомцев, как его неотъемлемую часть. Таковы были ваниар, несведущему они могли показаться рассеянными и беспечными, но Маэдрос знал, что на самом деле они внимательны ко всем деталям. Просто они прекрасно умели отличать важное от неважного.

Может быть, они считали судьбу Сильмарилей неважной.

Эта мысль как будто бы даже немного успокоила Маэдроса. Странно, раньше он так стремился обладать этими драгоценностями, так планировал свои действия и поступки, чтобы достичь этого, а теперь размышляет о совсем иных вещах. Он никогда не думал, что будет так.

Они знали дорогу к Маханаксару, но когда свернули к нему, им навстречу с обочины дороги поднялся незнакомый ваниа, который махнул рукой, привлекая их внимание. Он поприветствовал братьев и, назвавшись Валинэо, сказал:

- Я знаю, кто вы и зачем здесь, но не спешите сразу в Кольцо Судьбы! Король Ингвэ приглашает вас в свой дом в Валмаре, чтобы отдохнуть и подготовиться.

- Благодарю тебя и твоего господина за приглашение, - ответил ему Маэдрос, который, несмотря на решимость, чувствовал внутри неуверенность и даже страх. Не страх перед наказанием, а страх перед новыми проступками, которые, может быть, им суждено свершить ради своей цели. Он совсем не хотел новой крови в Валиноре, которая запятнала бы теперь уже не прибрежную Альквалондэ, край Амана, а самое сердце ее, золотой Валмар.

Они спешили, отпустив коней, и вошли в золотые ворота. Если Тирион, город мастеров, был выстроен по единому плану, и все в нем было продуманно и соразмерно, каждый камень и каждый завиток на камне знали свое место, то Валмар сначала производил впечатление чего-то диковатого и хаотичного. Рядом с небольшим деревянным домиком могла вознестись высокая мраморная башня, рядом с дворцом с золотой крышей – едва ли не шалаш из веток (пусть даже ветки были живыми и принадлежали маллорну). Но внимательный глаз и сведущий разум примечал особую гармонию этого места, гармонию не чертежа на пергаменте, а живого мира. Ведь мир был создан Музыкой, и в ней были темы торжественные и печальные, веселые и легкие, исполненные глубокой радости и красоты. И все они были переплетены в один сложный узор.

Кроме эльдар тут и там появлялись майяр, слуги Высоких Владык. Некоторые из них были облачены в тела и выделялись ростом и благородным обликом, другие двигались незримо и давали знать о себе лишь благоуханием – чаще всего цветочным, здесь было много служительниц Ваны, в Валмаре находились ее сады, они были меньше Лориэна, ее главной резиденции, но так же прекрасны. Маэдросу захотелось вновь побывать в них, но приходилось спешить, и он с сожалением думал об утраченной возможности – ведь он был там всего один раз, и то – в детстве.

Валинэо быстро провел их к дому Ингвэ, в котором тот жил, навещая иногда Валмар, хотя большую часть времени проводил в своем дворце на склонах Таникветили, поблизости от чертогов Манвэ и Варды. Этот дом был простым, белым с золотистыми узорами на стенах, которые изображали цветы и травы. У него было много высоких и узких стрельчатых окон, в двери тоже было вставлено стекло, так что весь дом днем пронизывал свет, играя на украшениях стен и мебели, на золотистых шевелюрах его обитателей. Когда-то давным-давно маленький Майтимо спрашивал мать, не носят ли ваниар в своих прическах лампы – казалось, их волосы светились даже в полной темноте.

Король и его сын, принц Ингвион, ждали их в большой трапезной, где уже был накрыт на стол пусть и не праздничный, но хороший обед. Ингвэ встал навстречу сыновьям Феанора, как делал это с любыми гостями, будь они Владыками или маленькими детьми. Дети, кстати, хорошо знали дорогу в этот дом, где и сами король с королевой, и их сыновья и дочери всегда привечали маленьких жителей Валинора, играли с ними, угощали и дарили подарки. Принц Ингвион вообще часто ходил в сопровождении целой стаи малышей, от совсем маленьких до подростков, которых он то учил чему-нибудь интересному, то затевал новые игры, изобретенные им самим.

Сейчас, правда, в доме тоже были дети, судя по их виду – родичи Ингвэ, а сколько поколений отделяло их от короля, Маэдрос не мог бы сразу сказать. Они сидели за своим особым столом и переговаривались звонкими голосами, так что королеве пришлось унять их, чтобы можно было поговорить с гостями. Дети, два мальчика и девочка, замолчали и стали разглядывать сыновей Феанора любопытными глазами.

Маэдрос поклонился Верховному Королю, которого искренне уважал. Что бы там ни говорил Феанор про «сюсюкающих ваниар», а Маэдросу нравился этот народ и его правитель, который считался главным среди правителей эльдар Валинора. Ингвэ говорил не то чтобы много, но к его словам всегда прислушивались, часто бывал незаметен – но всегда был там, где он нужен. Чем-то он походил на Солнце – его не замечают за повседневными делами, но от него становится радостно на душе и если оно исчезнет – на земле воцарится тьма и горе.

Ингвэ пригласил гостей сесть рядом с ним и его женой, Маэдрос поместился с самим Ингвэ, а Маглор – с королевой Линдиэль. Повинуясь знаку хозяина, слуги разлили вино и обед начался. Маэдрос был голоден и с радостью принялся за еду. Это простое действие помогало успокоиться перед предстоящим испытанием. И вообще, неясно, придется ли им обедать в Валиноре хотя бы еще раз.

«А ты что, думаешь, Манвэ поразит нас молнией прямо в Маханаксар?» - услышал он мысль брата и понял, что нечаянно открыл свой разум. Он послал ехидно улыбающемуся Маглору сердитый взгляд и вонзил серебряный нож в стоявший перед ним кусок пирога с олениной.

- Вы хотите сразу отправиться в Маханаксар? – спросил Маэдроса Ингвэ, когда с пирогом и жарким было покончено. – Или, быть может, у вас есть другие желания здесь?

- Если бы меня спросили о последнем желании... - начал говорить Маглор.

- Ну что ты, Макалаурэ! – воскликнул вдруг Ингвион, перебивая его. – Я не думаю, что вам следует говорить о *последних* желаниях! Жизнь только начинается здесь, для вас – новая жизнь.

Маэдрос только покачал головой, грустно усмехнувшись. Нет, Валар не жестоки, но они справедливы. Да и Клятва... какими цепями стала она для них именно здесь. Когда все кончилось, когда, и правда, можно было подумать о новой жизни.

Ингвэ тоже покачал головой, но сказал иное:

- Быть может, вы нескоро захотите вновь посетить Валмар. Да и... скоро сюда привезут Врага. Это будет не лучшее время.

Моринготто. Странно, но в Валиноре Маэдрос почти забыл о нем. Месть скоро свершится окончательно, но нет в ней никакого удовлетворения. Не все мертвые вернуться, никогда не вернуться ни Финвэ, ни Феанор. Белерианд уже разрушен. Да и свою надежду на счастье он уже упустил.

- Нет, я не хочу ничего особенного, - сказал наконец Маэдрос. – Просто отдохнуть, подготовиться к... суду.

- Мне пойти с вами? – спросил его Финрод.

- Пожалуй, нет, - ответил ему Маэдрос и улыбнулся, чтобы смягчить отказ. – Мы бы хотели остаться одни, верно, Кано?

Маглор кивнул, здесь он не хотел противоречить старшему брату.

- Мы не будем вам мешать, - улыбнулся ему Ингвэ. – Ингвион, проводи гостей в их комнату.

Ингвион встал, кивая отцу, и Маэдрос вдруг вспомнил, глядя на него – говорили, что Ингвион в одиночку сразил балрога. Раньше никому из эльдар не удавалось сделать этого – и остаться в живых. Но ваниар, любящие песни и все живое ваниар оказались такими хорошими воинами, что только воля Моргота заставляла орков идти против них. Может быть, выйди ваниар вместе с нолдор против Моргота сразу – они нанесли бы ему поражение куда раньше.

Или погибли, как погиб народ нолдор.

И Маэдрос уже не мог винить их, что они остались в Валиноре, когда Феанор призывал всех к походу, хотя сам Феанор винил ваниар, он вообще не любил их, возможно, потому что Индис была из них. Но Валинор был их домом, истинным домом, и они остались защищать его. Теперь Маэдрос понимал, что это был верный путь. Защищать свой дом, а не бросать его в беде. А если бы Моргот и его сообщница вернулись, если бы смогли разрушить Валинор, и вместо их дома остались бы лишь руины? Как бы тогда он себя чувствовал, даже найдя новую родину в Эндоре?

Маэдрос даже вздрогнул при этой мысли. Легко им было говорить когда-то, что нужно бросить Валинор, но ведь это была их родина. Разве можно было родную мать оставить на растерзание Морготу?

Эти мысли мелькали в его голове быстро, пока они шли в комнату для гостей. Она была светлой, как и все в доме, простая мебель из ореха светло-коричневого цвета, стены обиты тканью с золотистым растительным узором, на окнах – легкие белые занавеси и другие, коричневые, чтобы заслониться от солнца. В комнате был стол, несколько

стульев и кресел и две невысокие софы, на которые можно было прилечь.

Именно это Маэдрос и сделал, ведь ночью он почти не спал и теперь чувствовал усталость. Усталость, однако, была приятной, как и все в Валиноре. Он прикрыл глаза и услышал тихую музыку – это Маглор устроился в кресле со своей арфой и перебирал струны. Он кивнул и брат понял это, как знак продолжать, и заиграл простую незатейливую мелодию, незнакомую Маэдросу – возможно, Певец сочинил ее только что.

Музыка подхватила Маэдроса и унесла его на дорогу грез. Это была приятная дремота, еще не полноценный сон, но и не бодрствование. Светло-коричневое и золотое обволокло сына Феанора, навевая приятные мысли. Эти стены видели свет Лаурэлин и сохранили память о нем, и теперь отдавали его заснувшему среди них эльда. Бескрайние поля золотой пшеницы, луга с золотистыми лютиками, золотые деревья осенью, все это виделось Маэдросу и он смеялся, погружаясь в это золотистое великолепие.

Но что-то пошло не так. Черные пятна гнили проявились на золоте полей, цветов и листьев. Черные потоки гнусной жижи заливали окружающую красоту. Запах тлена и пепла проникал в ноздри. Он тронул колос, цветок, лист – и они пожухли, завяли, сгорели. Тьма шла за ним по пятам, тьма пятнала руки, тьма исходила из самого сердца.

Неужели причина тлена, порчи и гнили – он сам?

Маэдрос закричал от этой мысли, от невыносимой боли осознания, но перед тем, как в ужасе пробудиться, услышал:

«Не ты сам».

«Не ты сам», - эхом звучало в его душе, и эти слова его немного взбодрили. Но если не он сам – то кто же? Отец? Нет, этого Маэдрос сказать не мог. Не всегда отец был прав, но он не был причиной тлена и гнили, иначе бы из его рук не вышли истинные светочи.

Значит, и не он. Тогда кто – Моргот? Конечно, он во многом виновен, но во всем ли? Один Моргот никогда бы не смог натворить столько зла, ему постоянно помогали – другие айнур, твари из Пустоты, как Унголиант, люди и гномы... и даже эльфы, как ни отвратительно это признавать. Эльфы делали это невольно, когда впускали Моргота в свое сердце. Из страха, а может, из зависти, ревности, из обиды, из гордыни... Значит, это все-таки Моргот, но Моргот при его, Маэдроса, попустительстве. Но ведь Голос сказал: «Не ты сам». Как это понять? Может, Валар знают ответ на вопрос? Но они когда-то отринули Валар, должно быть, пришло время принять их помощь. Смириться и принять.

Его гордость вновь поднялась на дыбы при этой мысли, но Маэдрос, стиснув зубы, постарался подавить и подчинить ее. Он не для того прибыл сюда, чтобы подчиняться велениям гордыни, ведь она привела их к ошибкам и проступкам. Хотя давно ли он стал думать так? Маэдрос усмехнулся, но усмешка вышла неуверенной. Можно, конечно, сказать, что Валар принудили их прибыть сюда, принудили прийти на суд и вообще не

вправе судить о том, кому должны принадлежать Сильмарили. Но этот путь явно ведет в пустоту, к тому пеплу и гнили, что ему снились недавно. Но что же делать? На что решиться?

В дверь тихо постучали, и Маэдрос открыл глаза – все время после пробуждения он притворялся спящим, чтобы обдумать все в одиночестве. Музыка Маглора еще звучала, но тот тоже расслышал стук и отложил арфу. Он поднялся, за ним поднялся и Маэдрос. За окном было видно, что Ариэн приближается к Валинору. Наступал вечер и было время идти в Маханаксар.

Маханаксар

Никто из Валар или майяр не прибыл в дом Ингвэ, может, потому, что тогда их можно было бы принять за стражу. А Валар не желали вести сыновей Феанора на суд силой, как Моргота, так, по крайней мере, говорил им Эонвэ еще в Эндоре. И Маэдрос понимал, что их не хотят унижать, не хотят давить и применять насилие. Это ободрило его, потому что, несмотря на всю свою решимость, он страшился этого суда, этого собрания всех Валар и многих эльдар. Многие из них могут обвинить его, и будут обвинять...

Но решение принято и ему надо следовать. Расправив плечи, Маэдрос зашагал к выходу из дома Ингвэ.

У входа в дом их уже ждали. Ингвэ отправился на суд, как Верховный Король, и как родич и друг дома Финвэ. С ним вместе шел и его сын. С ним шла и его сестра, прекрасная и печальная Индис Светлая. Она взяла за руку Финрода и оперлась на нее.

- Король Арафинвэ присоединится к нам чуть позже, - сказал Ингвэ на вопросительный взгляд Маэдроса.

От золотистых волос ваниар вокруг стало, как будто, чуть светлее, и внезапно это наполнило Маэдроса какой-то необъяснимой радостью. В любом случае, как бы ни было тяжело, вскоре все решится.

Они вышли на улицу и к ним присоединились другие ваниар – приближенные и друзья Ингвэ, подружки Индис, те, кто не был равнодушен к судьбе внуков Финвэ. Маэдрос увидел, как к Финроду приблизилась Амариэ, и лицо сына Финарфина озарилось радостью. Маэдрос лишь вздохнул, вспоминая о женщине из снов.

Они шли неспешно, никто не пел, да и разговоров почти не велось. Это не было похоже на праздничное шествие, но и не походило на то, что стража вела подсудимых. Ваниар смотрели на сыновей Феанора, пытались ободрить их, а не осудить, поддержать, а не подавить. Первый народ всегда славился умением читать в сердцах и понимать всех. Только зла они не понимали, и Морготу не было места в их душах. Может, поэтому они и смогли победить его.

Они выбрались за ворота Валмара и направились к Маханаксару, где под открытым небом возвышались Троны Валар. Валар считали, что их советы не должны быть закрыты ни для кого, хотя Воплощенные не понимали их, если они общались друг с другом мысленно напрямую. Не потому, что Валар закрывали свои разумы, а потому, что они были слишком непохожи на Детей Эру, их мудрость не всегда была постижима для эльдар.

Громадные серые камни без всяких украшений вырисовывались на фоне закатного неба. Троны были высокими, для советов и судов Валар принимали грозные и величественные облики, которые, все же, были лишь слабым воплощением их настоящего величия, непостижимого для телесных глаз.

Назначенный час приближался, и к Маханаксару стали приходить эльфы не только из

Валмара, но и из Тириона и Альквалондэ. Небольшие группы нолдор и тэлери, некоторые из них сияли слабым светом Возрожденных, собирались вокруг Кольца Судьбы. Были там и майяр, в основном слуги Манвэ и Мандоса, которые поддерживали порядок и отвечали на вопросы эльдар.

Перед королем Ингвэ, его свитой и сыновьями Феанора толпа расступалась. Маэдрос ловил на себе взгляды: любопытные, заинтересованные, иногда даже восхищенные. Ни унижительной жалости, ни гнева в них не было. В Валиноре теперь не было места злу и раздорам, даже тэлери давно простили древнюю обиду. Это и ободряло Маэдроса, и в то же время он испытывал глухое раздражение. Он давно научился противостоять силе, он умел защищаться от грубого напора, которым Моргот постоянно пытался сломить их в Эндоре. Но как трудно будет исполнить Клятву, если им не будут сопротивляться силой, а с пониманием откажут в справедливом требовании!

Маэдрос по привычке пытался нащупать рукоять меча, но вспомнил, что оставил его в доме Феанора. Значит, у него не будет этого, последнего выхода. Значит, надо будет полагаться не на силу, а на справедливость своего требования. Разве оно не справедливо? Разве смогут им отказать?

Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и это ему удалось. Недаром Маэдрос столько лет был воином и правителем, он вообще редко выходил из себя, унаследовав спокойный нрав матери. Это не раз ему помогало, поможет и сейчас.

Они приблизились ко входу на Маханаксар и им навстречу вышел Эонвэ. Хотя суд вершил Мандос, но главным, особенно в таких важных делах, всегда оставался Манвэ, и его главный слуга должен был встретить сыновей Феанора, из-за которых суд Валар и должен был состояться.

Ваниар разошлись в стороны, склонившись перед Вестником Манвэ. Маэдрос и Маглор тоже поклонились ему, а Эонвэ, ответив на приветствие, сказал:

- Нельяфинвэ Майтимо и Канафинвэ Макалаурэ, сыновья Куруфинвэ Феанаро, следуйте за мной.

Маэдрос кивнул и под взглядами сопровождающих: спокойных и ободряющих – Ингвэ, Ингвиона и Индис, сочувственного и поддерживающего – Финрода, пошел вслед за Эонвэ, который здесь не носил доспехов и меча. Он был в темно-синей тунике, подпоясанной золотой цепью, и лазурном плаще с вышитыми на нем белыми стрелами-молниями, знаком своего господина. Эонвэ возвышался над самыми высокими эльдар не меньше, чем на голову, а большинство майяр приняли облик пониже, показывая, что они уступают в силе Герольду Манвэ. Перед ним расступались и очень быстро они трое вошли в Круг Судеб.

Кроме высоких тронов Валар, которые стояли кругом, здесь располагались множество других сидений – для майяр и эльдар. Чтобы все видели то, что происходит внутри круга, сиденья поднимались друг над другом ступеньками. Те из эльдар, что собирались говорить на суде, старались сесть ниже и ближе к внутреннему кругу. Маэдроса и Маглора Эонвэ отвел к назначенным им местам в первом ряду, откуда им легко было

выйти в круг. Для тех, кто говорил на суде, посередине стояло особое возвышение – Камень Справедливости. Это был простой серый камень, довольно высокий, чтобы говорящий мог встретиться глазами с сидящими Валар. На его вершину вели вырезанные в камне ступени.

Вслед за Эонвэ и сыновьями Феанора по знаку майяр Мандоса в Круг Судеб стали входить остальные эльдар. Все быстро занимали свои места, без суеты и раздоров. Маэдрос обводил взглядом толпу, выискивая знакомые лица. Вот, и правда, прибыл король Финарфин со своей женой, они вместе с Финродом заняли место в первых рядах. Недалеко от них сел кузнец Махтан с женой, и Маэдрос, встретившись с ним глазами, слегка улыбнулся. Когда он был ребенком, дед первым назвал его Медноголовым – намекая не только на цвет волос, но и на изрядное упрямство. И, несмотря на дальнейшие раздоры среди нолдор, Маэдрос всегда любил и уважал Махтана.

Последним из королей эльдар появился в Маханаксаре Ольвэ Кириаран, и он взглянул на Маэдроса и Маглора спокойно, хотя и без особой приязни. Другие тэлери следовали примеру своего владыки, и под их взглядами Маэдросу стало не очень уютно. Это нельзя было сравнить с теми взглядами в Альквалондэ – и все же... Но вдруг он увидел в группе тэлери Тьелперо с сыном, и оба они кивнули ему с теплотой и радушием, от которых и у Маэдроса на сердце тоже потеплело. Не вечны раздоры и злоба, а прощение – не пустой звук. Он распрямил плечи и приготовился принять все, что принесет ему судьба.

Одной из последних пришла Эльвинг, печальная, но спокойная. Она села рядом с королем Ольвэ, которому была сродни, и, посмотрев в сторону сыновей Феанора, медленно наклонила голову в приветствии. Маэдрос и его брат ответили на поклон, и тень улыбки тронула губы Эльвинг. Надежда возвращалась к ней, и в ее башне теперь всегда горело окно.

Вдруг внутренний круг Маханаксара залило золотистое сияние, тут же раздались звуки музыки – величественные трубы, нежные арфы, прекрасные скрипки запели в воздухе и все вокруг наполнилось благоуханием: один за другим прибывали великие Валар.

Они появлялись рядом со своими тронами, принимая облик величественных мужчин и женщин, и каждый из них нес свой аромат и свою мелодию. Вана – роза и нежная флейта, Тулкас – свежий имбирь и грозный барабан, Ульмо – морской воздух и гулкая труба... Последними возникли Мандос – свежесть ночного дождя и глубокий звук виолончели и Манвэ – хвойный лес в жаркую пору и переливчатая арфа. Манвэ обвел взглядом всех, кто собрался в Кольце Судьбы, и все разговоры замерли.

Валар заняли свои места – Манвэ и Мандос сидели рядом и так, что Камень Справедливости стоял прямо перед ними – и суд начался.

Сильмарили лежали неподалеку от Камня Справедливости, на каменной подставке, которую принес один из майяр Тулкаса. Они лежали открыто, без ларца, и их свет сиял невозбранно, чего не было уже так давно. Но сияние самих Валар во всем их могуществе было так велико, что на их фоне Камни немного угасли. Подобное происходило и когда

они были в плену, в морготовом венце, но там на них давила тьма, здесь же причина была иная – и другого света было достаточно.

Взгляды многих волей или неволей обращались к Сильмарилям, смотрел на них и Маэдрос, но теперь в нем не было такой жадной тяги к Камням, которая одолевала его в начале. Валинор будто приглушил это алчное желание, и Маэдрос невольно дивился: он вспоминал, как притягивал его Сильмариль в Гаванях, какой это было мукой – знать, что Камнем владеют другие. Эту душевную боль он пытался заглушить пролитой кровью, и только усугубил ее...

Сильмарили были рядом – пройди лишь десяток-другой шагов, но Маэдрос сдерживал себя. И когда он встал на Камень, чтобы отвечать на вопросы, он не смотрел на Сильмарили.

Гулкий голос Владыки Намо прорезал общую тишину.

- Нельяфинвэ Майтимо и Канафинвэ Макалаурэ, сыновья Куруфинвэ Феанаро, вы прибыли на суд Валар добровольно. Обещаете ли вы исполнить решение суда, каким бы оно ни было?

- Да, - сказал Маэдрос, чуть помедлив, а Маглор повторил за ним, ни мгновения не колеблясь.

- Хорошо, - Намо посмотрел прямо в лицо Маэдросу и тот ощутил невольную дрожь и едва справился с желанием опустить взгляд. Но он когда-то смотрел прямо в лицо Морготу, не будет опускать глаза и сейчас. И он продолжал смотреть в глаза Судии.

- Мы знаем, - продолжал Мандос, - что Сильмарили были созданы Куруфинвэ Феанаро с помощью Йаванны, что вырастила Древа, и Варды, что принесла в Арду свет. Их труда в Сильмарилях не меньше, чем труда Феанаро. Согласны ли вы с этим, сыновья Феанаро?

- Согласны, - после мгновенного колебания ответил Маэдрос, а Маглор кивнул вслед за ним.

- Однако, - сказал Мандос, - создав эти творения, Феанаро считал себя их единственным владельцем, и мы согласились с ним, ибо Древа тогда сияли ярко и никто не думал, что Валинор затмится. Но потом Древа умерли, и Свет Сильмарилей оказался единственным в Валиноре. Мы не хотели тогда принуждать Феанаро, и когда он отказался отдать Сильмарили, не стали настаивать. Сильмарили были украдены, и Моргот силой завладел ими. Он – вор и грабитель и удерживал Сильмарили незаконно, и свет их был укрыт от всех свободных народов Арды. Позже один Сильмариль был добыт у него Береном и Лутиэн в их походе, который не знает себе равных. Сильмариль получил Тингол, как свадебный дар за свою дочь, но он был убит, и Сильмариль был украден, на сей раз гномами. И Берен второй раз добыл его, сняв с груди убитого им короля гномов. Диор, сын Берена и Лутиэн, получил Сильмариль, как наследство, а позже отдал своей дочери Эльвинг. Эльвинг передала его своему мужу Эарендилю и теперь свет Сильмариля вновь виден всем на Арде. Что скажете вы об этом Сильмариле, сыновья Феанаро?

- Мы, - сказал Маэдрос твердо, - отказываемся от права на этот Сильмариль, потому что Берен и Лутиэн, Эарендиль и Эльвинг пережили много мучений и положили много трудов, добывая и сохраняя этот Камень. И без этого Сильмарилья помощь могла прийти слишком поздно. Пусть он снова светит всем в небесах Арды!

- Да будет так, - ответил ему Мандос.

- Да будет так, - повторил Манвэ, скрепляя это решение своей волей Короля Арды.

- Теперь же, - продолжал Мандос, - нужно решить судьбу двух других Сильмарилей. Эонвэ и его воинство добыли их у Моринготто. Но вы, сыновья Феанаро, как и многие другие нолдор, долго воевали с Моринготто и ослабили его так, что воины Валар смогли победить его и не разрушить весь Эндорэ. Так что хотя вы сами и не вырвали Сильмарили из венца Моринготто, в этой победе есть и ваша заслуга, и немалая.

Маэдрос весь напрягся, вцепившись рукой в пояс. Неужели Мандос сейчас признает их право на Сильмарили и все закончится? Но нет, все не может быть так просто... Даже Эонвэ в Эндоре говорил о том, что они утратили свое право. Вряд ли Мандос думает иначе.

- Но, - сказал Мандос сурово, - давным-давно на Сильмарили было наложено благословение: ими не могут владеть Зло и его слуги, не могут владеть смертные и не могут владеть те, чьи руки нечисты. Вы – не слуги Зла, вы – не смертны. Но чисты ли ваши руки?

Мандос посмотрел прямо в лицо Маэдросу и тот едва смог выдержать этот взгляд, суровый из-за беспристрастной справедливости. Он молчал, молчал долго, не отвечая ни да, ни нет. Маглор рядом с ним глубоко вздохнул, но тоже ничего не говорил. Мандос ожидал ответа, но так и не дождался.

- Так, - сказал он, - вы, сыновья Феанаро, не можете ответить на этот вопрос. Что ж, не каждому дано судить о себе беспристрастно... молчание здесь говорит о том, что вы не так подвержены гордыне, как можно было бы думать. Это хорошо. Но если вы не можете ответить на вопрос, пусть на него ответят другие. Во многих проступках можно обвинить вас, и мы будем судить по порядку. Итак, первое: вы вместе с отцом своим ушли из Валинора, подняв мятеж против Валар, которых когда-то признали своими владыками, и пролили кровь в их земле. Пусть владыка Альквалондэ говорит о том, что произошло в его городе.

Ольвэ встал и, расправив плечи, вышел к Камню Справедливости, поднялся на него. Прижав руку к груди, он поклонился Манвэ и Мандосу, потом взглянул на сыновей Феанора, но не сделал им никакого знака. Он заговорил, и голос его, высокий и чистый, был хорошо слышен всем.

- Мы всегда были друзьями нолдор, - сказал он, - но даже друзья не обязаны во всем соглашаться и выполнять любые просьбы. Когда Феанаро говорил нам, мы рассудили, что он неправ, а правы вы, наши владыки здесь. И мы отказали ему в кораблях, сокровищах нашего сердца. Тогда он решил взять их силой, и мы, защищая свое добро,

применили насилие. Мы сделали это первыми и, хотя были правы, как признали все, оставшиеся в Валиноре, все же я сожалею о том. Может быть, уступи мы, зла в Арде было бы меньше. Но я оставляю судить об этом Валар. Кровь и смерть пролегли между нами и народом нолдор, и долгое время понадобилось, чтобы исцелить эту рану. И корабли наши не вернулись к нам. Но ныне я не держу зла на сыновей Феанаро и прощаю их от всего сердца. И благодарю их за ту помощь, что оказали они нашим родичам на востоке.

Он умолк и, повернувшись к сыновьям Феанора, кивнул им, как старым друзьям. Маэдрос почувствовал растерянность. Он-то готовился к тому, что их будут обвинять, особенно тэлери Валинора, которые не видели Моргота и его слуг в Эндоре, не знали, как они опасны и почему было необходимо остановить их любой ценой. Но Ольвэ понимал это и теперь не держал зла. Нет, он не оправдал их, но понял и простил. Это было и легче, и тяжелее, чем если бы он просто принял обвинять их.

- Мы выслушали тебя, Ольвэ Кириаран, владыка линдар, - сказал Мандос и Ольвэ спустился с Камня Справедливости, вернувшись на свое место.

- Второе, - Мандос вновь заговорил, перечисляя обвинения Дома Феанора, - что можно вменить в вину вам и вашим родичам: Феанаро и вы, сыновья его, забрали себе корабли и переправились одни в Эндорэ, и не вернулись за Финвэ Нолофинвэ и его народом. Потом по приказу Феанаро корабли были сожжены, и народ Нолофинвэ вынужден был идти по льду Хэлькараксэ, терпя мучения и теряя многих.

- Подождите! – воскликнул Маглор и Маэдрос обернулся к нему. – Я должен сказать: Майтимо был против того, чтобы сжигали корабли, против того, чтобы мы оставляли своих родичей на том берегу. Он не жег корабли.

- Зачем ты... - сердито сказал Маэдрос, но Маглор только отмахнулся от него.

- Это будет учтено, - спокойно проговорил Мандос. – Но теперь будет говорить свидетель.

К Камню Справедливости приблизился эльда. Маэдрос посмотрел на него, узнавая, кажется... да, он видел этого эльфа вместе с Тургоном еще в Валиноре, знал, что он пошел за Нолофинвэ, но позже они не встречались. Звали его Амбарто.

Амбарто поклонился Мандосу и Манвэ и начал свой рассказ.

- Я ушел за королем Финвэ Нолофинвэ в Эндор, - сказал он, - по призыву Феанаро и по зову сердца, ибо я хотел увидеть нашу древнюю родину на востоке. Со мной ушла моя жена. Нас не было в Альквалондэ, когда там разразилась битва, но потом мы собирались плыть на кораблях. Но Феанаро забрал их. Мы не хотели возвращаться, мы не вняли призыву Валар и мы выбрали дорогу в Хэлькараксэ. Она была ужасна... мы многое вытерпели там. Моя жена... она погибла, не дойдя до Эндорэ, однажды уснула и не проснулась от холода. Я похоронил ее там, в снегу. Я шел дальше и мечтал отомстить Феанаро и его сыновьям. Но Моринготто успел раньше меня. Когда орел принес их... я понял, что не хочу больше мстить. Я простил.

Он наклонил голову – Маэдрос заметил отблеск слез в его глазах – и быстро сошел вниз. На сыновей Феанора он не смотрел.

- Третье, - возгласил Мандос, и Маэдрос вдруг почувствовал, как его обдала ледяная дрожь: он понял, о чем сейчас пойдет речь. - Нападение на Дориат в стремлении завладеть Сильмарилем, который спасли от Моринготто Берен и Лутиэн. Жители Дориата были убиты или бежали, король Диор и его жена погибли, а их сыновья – исчезли. Лишь дочь Диора осталась в живых, и она сейчас будет свидетельствовать.

Эльвинг встала – бледное лицо, хрупкая фигурка и глаза, полные печали. Она медленно, но решительно направилась к Камню Справедливости и взошла на него. Она поклонилась Мандосу и тот, ответив на поклон, вдруг сказал с неожиданной теплотой в голосе:

- Если тебе трудно говорить, Эльвинг, дочь Диора, ты можешь отдать это право другому.

- Нет, Владыка Намо, - твердо сказала Эльвинг, глядя ему в лицо, - я буду говорить за себя и свой народ.

Мандос кивнул, и Эльвинг продолжила:

- Я мало знала свою семью, слишком рано их унесла злая погибель. Но я любила их всем сердцем и всегда тосковала по ним... Я немного помню из времен разрушения Дориата, мне больше рассказывали... потом. Я тосковала... потом гневалась и ненавидела. И это разрушало мою душу. Только Эарендиль смог исцелить ее. Я не знала, что случилось с моими братьями, я долго надеялась, что они остались живы... Не знает ли кто, что случилось с ними?

Молчание было ей ответом, и когда уже Мандос сделал знак продолжать, вдруг кто-то воскликнул:

- Я могу рассказать о ваших братьях, госпожа.

Эльвинг вскинула голову на голос, лицо ее просияло надеждой. К Камню Справедливости шел эльф в зелено-бурых одеждах, цвета лесной листвы – похоже, он был из нандор. Он взобрался на Камень и встал рядом с Эльвинг.

- Не могу принести тебе хороших вестей, госпожа, - сказал он, и лицо Эльвинг угасло. – Но неизвестность порой хуже самых черных известий, и я избавлю тебя от нее. Меня зовут Рильвэ и я со времен Первой Битвы жил на севере Оссирианда. Я не участвовал в сражениях, ибо слишком страшился Северного Ужаса. У меня было много друзей среди птиц Оссирианда, и они носили мне вести. Однажды я услышал от них, что Дориат пал, и что многие беглецы оттуда идут на юг. И одна из птиц, старый ворон, говорил о двух мальчиках, что идут с севера одни, без взрослых. Это было недалеко от тех мест, где я жил в то время, и я попросил ворона провести меня к ним. Но тогда царила суровая зима, и мы шли долго, и пришли слишком поздно. Дети были уже так слабы, что впали в забытие и не говорили даже собственных имен. Я пытался согреть их, но они угасли,

будто огоньки на ветру. Я похоронил их там, где нашел, под буком... Потом я не думал об этом, ибо много беглецов и много смертей было в то время. Но позже до меня дошли слухи, что ищут двух мальчиков. Их искали нолдор, те самые, что разорили Дориат. Я не стал им ничего говорить, ибо не знал их целей, да и помочь ничем уже было нельзя. Много позже я понял, что это были твои братья, госпожа. Они не совсем походили на обычных детей эльфов, и у одного из них было вот это.

Он порылся в поясной сумке и отдал Эльвинг серебряный лист-застежку плаща с выгравированным на нем гербом – крылатой луной*. Эльвинг взяла ее в руки и задрожала.

- Я помню... - сказала она тихо, - эта вещь была у моего брата Эльруна. Они погибли... все же погибли.

Маэдрос услышал, как рядом охнул Маглор, и стиснул зубы. Боль была острой, но он почувствовал облегчение, будто кинжал вскрыл старый гнойный нарыв. Рильвэ был прав, порой неизвестность хуже самых плохих вестей.

- Мы искали их, чтобы избавить от смерти, - сказал он глухо. – Недолжно мстить малым детям, и это было сделано без моего ведома и против моей воли.

- Это будет учтено, - кивнул на его слова Мандос.

Эльвинг тихо плакала, держа в руках застежку брата, и мучительная жалость пронзила сердце Маэдроса. Вот стоит эта женщина, потерявшая своих родных, без поддержки мужа, не видя рядом своих сыновей – и во всем этом виновны они со своей Клятвой. Будь проклята эта Клятва! Не добро и слава, как он думал в тот миг, когда клялся на вершине Туны, а гниль и тлен шли от нее, как в его сне в доме Ингвэ.

Эльвинг постепенно успокоилась, и Рильвэ, бросив на нее сочувственный взгляд, спустился с Камня Справедливости. Она же осталась стоять там, поскольку последнее обвинение вновь касалось ее.

Четвертое и последнее, - провозгласил Мандос. – Нападение на Гавани Сириона, последнее свободное поселение эльдар и эдайн в Белерианде, вновь в стремлении завладеть Сильмарилем. Разорение Гаваней и убийство многих их жителей. И здесь снова будет говорить Эльвинг, дочь Диора, правительница народа Гаваней.

Эльвинг глубоко вздохнула и вновь заговорила тихим, но твердым голосом:

- Я не могу сказать, верно ли сделал мой отец, что не отдал Сильмариль сыновьям Феанора. Но и я сама не сделала этого. Многие из моего народа были против этого, они верили, что Сильмариль хранит наши дома и корабли. Мужа моего, Эарендила, не было тогда в Гаванях, и я тоже боялась, что он не найдет дорогу домой, если я лишу его путеводного света. И я тогда гневалась и ненавидела... помнила о том, что Берен и Лутиэн претерпели много лишений и мучений ради этого сокровища, умерли и воскресли из-за него. И отец мой, и мать моя, и братья погибли ради этого Камня. Я не могла отдать последнюю память о них. Но если бы рядом был Эарендиль, если бы он убедил меня это

сделать – я бы это сделала. Но мне не дали его дожидаться.

Эльвинг умолкла на несколько мгновений, как будто собираясь с силами. Слишком ужасные воспоминания представляли перед ней. Но она происходила от бесстрашных героев, и сама была отважна, хотя отвага ее была иного толка.

- Когда я думала, что дети мои погибли или вот-вот погибнут, - тихо продолжала она, - я решила, что мне тоже незачем жить. И я унесла с собой Камень... Камень Раздора, как думала я о нем тогда. Слишком много крови пролилось из-за него, слишком много слез. К счастью, Владыки не дали ему скрыться из мира и теперь все видят Звезду Надежды. И зло привело к благу. Я не держу больше зла и простила.

Эльвинг склонила голову, печаль затмила ее лицо. Мало у нее было надежды на встречу с родными, да и та была бы омрачена тенью. Она повернулась, чтобы сойти вниз...

И вдруг в небе над Маханаксаром, безсолнечном и безлунном, блеснула звезда. Звезда Надежды.

- Айя! – воскликнула Эльвинг, простирая к Эарендилю руки.

- Айя! – отозвались эльдар, и майяр, и сами Валар, приветствуя Вестника Зари.

- Обвинения высказаны и свидетели заслушаны, - провозгласил Мандос и обвел взглядом всех, кто собрался в Кольце Судьбы. – Хочет ли кто-нибудь сказать что-то еще, в обвинение или в защиту сыновей Феанора?

- Я хочу, - с одного из задних рядов поднялся эльф, похоже, из нандор. Уже не юный, с прищуром меткого лучника, с походкой опытного лесного следопыта. Мало кто из этого народа отвечал на призыв отправиться в Валинор, большинство уходило от наступающей воды на восток. Но кое-кто все же уплывал и на Запад, подальше от ужасов войны и разрушения Белерианда.

Эльф, взойдя на Камень Справедливости, поклонился сначала Манвэ и Мандосу, а затем, повернувшись к сыновьям Феанора, и им. Маэдрос кивнул в ответ, напрягая память, но, похоже, он не видел этого эльфа даже мельком.

- Меня зовут Онниэвэ, я из Оссирианда. Сейчас от нашего леса, может, ничего не осталось... Но раньше в нем жили многие. Сначала мы вместе с народом короля Тингола оборонялись от врага, но потом жители Эгладора отгородились от опасного мира. Кто-то из наших пришел в Дориат, кто-то остался, полагаясь на скрытность и мастерство наших лучников. Но потом... потом пришла стальная буря, ярое пламя, железный вихрь... Такими нам казались пришельцы из-за Моря. Их пламя, их сталь защитили нас, и мы жили в покое и мире. Я не видел ничего плохого от сыновей Феанора, они защищали нас от Ужаса Севера, они торговали с нами и учили нас. Без них мы бы погибли или сидели бы в норах и пещерах, трясясь от страха. Я благодарен им и я выступаю в их защиту.

Он снова поклонился и, сойдя вниз, отправился к себе. Маэдрос вскинул голову: что же, ему нечего стыдиться своих дел на северных границах. Благодаря их мечам Белерианд получил сотни лет покоя, а если потом Моргот прорвал оборону, в том не было их вины. Он был слишком силен, а их союзники слишком слабы...

«Он слишком силен для нас – не о том ли говорили Валар здесь, давным-давно? Они оказались правы здесь, во многом они были правы...»

Такие мысли не первый раз посещали его за последнее время, и если сначала он отмахивался от них, как от сомнений и слабости, недостойных сына Феанора, то позже стал прислушиваться. Недаром же теперь он ожидал правосудия Валар.

«Правы, но не совсем. Валар были слишком медлительны, если бы мы не пришли на помощь Средиземью, оно попало бы под власть Моргота куда раньше».

Эта мысль ободрила его, и он спокойно и твердо стоял, ожидая слов Мандоса. Тот повторил свой вопрос, но больше свидетелей не нашлось, наверное, они не могли сказать ничего нового. И тогда Мандос заговорил снова.

- Нельяфинвэ Майтимо и Канафинвэ Макалаурэ, сыновья Куруфинвэ Феанаро, хотите ли вы сказать в свою защиту более того, что уже сказано?

Маэдрос поразмыслил несколько мгновений и твердо ответил:

- Нет.

- Это дело трудно рассудить и мне, тому, кто волею Всеотца поставлен следить за справедливостью здесь, в Арде, - сказал Мандос. - Многие обвинения предъявлены сынам Феанаро, но есть и то, что говорит в их защиту. И хотя они поддержали своего отца, но не были зачинщиками мятежа и раздора здесь, в Валиноре, а позже были связаны нерушимой Клятвой, и проступки их и злые деяния были продиктованы ею, и все же они старались противостоять ей и смягчить ее последствия. Превосходят ли их добрые дела их преступления или наоборот? Лишились ли они права на Сильмарили, если обагрили руки кровью? Или в их пользу говорят многие сохраненные жизни и сотни мирных лет в Эндорэ, позволившие людям стать друзьями эльфов? И если им будет отказано в праве на Камни, не станут ли они причиной раздора здесь, в Валиноре?

Он умолк, молчали и другие Валар. Может быть, они переговаривались мысленно, как было в их обычае, но эльфам, даже самым могущественным и искусным, не дано было слышать их мысли без их на то желаний. Напряжение разлилось в воздухе, казалось самые небеса, на которых уже не было Эарендиля, потемнели, будто сгустились тучи. Эльдар тоже молчали, ожидая решения Владык.

Наконец, когда прошел не то миг, не то целая эпоха, Мандос заговорил вновь.

- Я решил, - сказал он. – Если я не могу, и мы все не можем прийти к единому ответу на эти вопросы, то пусть будет явлена воля Того, Кто Выше Нас. Всеотец уже являл свою волю о Сильмариле Эарендиля, когда смертный смог взять Камень и он не ожег его.

Если вы, сыновья Феанаро, сможете взять Камни и объявить их своими – они станут вашими. Тогда Клятва будет окончена и мир воцарится в Валиноре. Если же нет – то они останутся в ведении Аратар, Владык Арды, и мы будем решать, как поступить с ними.

- Да будет так, - провозгласил Манвэ и поднял свой сапфировый жезл в знак волеизъявления всех Аратар, что собрались в Маханаксаре.

- Да будет так, - возгласили остальные Валар, соглашаясь с волей своего владыки.

Маэдрос, раздираемый в душе радостью, облегчением и сомнениями – неужели так быстро, так просто удастся им вернуть сокровище отца и выполнить ужасную Клятву, встал и вдруг услышал за собой голос Маглора.

- Я не считаю себя достойным Сильмарилей и отказываюсь брать их.

С удивлением, страхом и толикой презрения в глазах Маэдрос обернулся к нему – его брат отказывается от наследства? От Клятвы? От последней воли отца? Маглор ответил ему спокойным взглядом.

- Я везде шел за тобой, брат, - сказал он. – Но теперь ты пойдешь один.

Маэдрос поджал губы. Что же, он старший и ему отвечать – за все. Если он возьмет Сильмарили, то Клятва все равно будет выполнена, и Вечная Тьма не будет ожидать ни Маглора, ни тех, кто ныне обитает в Чертогах Мандоса.

- Хорошо.

Сильмарили были совсем рядом, пара десятков шагов, не больше. Так близки и так доступны. Еще немного, и их Великая Охота завершится. Сколько крови, боли, горя и мук – ради этой цели, и вот она почти достигнута. Почти.

Свет древних Камней, такой знакомый и такой необычный после сотен лет, когда он не видел его, притягивал Маэдроса к себе. Как он чист и прекрасен! Как прекрасен будет мир, когда этот свет вернется в него! Какое счастье принесет он ему, Маэдросу, позволив забыть обо всех ужасах этой эпохи! Свет сиял, почти слепил его, он не видел почти ничего, кроме этого света, зовущего его к себе...

Шаг. Во тьме вздымаются факелы, раздаются гневные крики, горячие речи льются с вершины Туны. Омраченный, оскверненный Валинор, их родина, остается на поживу врагам, ведь он так слаб сейчас, как легко будет завладеть им Морготу, если он захочет вернуться! Но они даже не думают об оставленной родине, забыли и о благодарности Валар, которые вывели их к свету и научили всему...

Шаг. Белые палубы лебедей залиты кровью, море стонет об убитых мореходах, осиротевшие чайки горестно кричат в небе, но они не думают об этой крови, об этой горе, ведь важны только их собственные кровь и горе, только их сокровища...

Шаг. Корабли пылают и это единственный свет, что остался для покинутых на том берегу.

Он не поддерживает отца, но и не противится ему, позволяет предательству свершиться, и многие жертвы застынут во льду...

Шаг. Земли Эндора не так пустынные, как они думали. Но что им эти Темные Эльфы, слабые и невежественные, не видевшие Света Амана! Вражда и раздоры разъедают, будто ржавчина, едва наметившийся союз. Гордыня не дает им опереться на других врагов Моргота, а Клятва окончательно разрушает и так слабые узы дружбы. А потом они верят тем, кому не следует верить, и Бессчетные Слезы проливаются в Белерианде...

Шаг. Шумит разгневанный лес, но не в силах он остановить захватчиков. Обагрят его кровью последний король Дориата, сын Лутиэн Прекрасной и Берена Отважного, жена его и сыновья скорбными тенями нисходят за ним в посмертный мрак. Второй раз эльф поднимает оружие на другого эльфа, но жертвы их напрасны, и Камень уходит на юг...

Шаг. Последнее поселение свободных эльдар и эдайн, твердыня на берегу моря. Слуги Моргота обходят ее стороной, быть может, испуганные светом Сильмарилля. Но рок уже близок. Другие враги точат мечи, и гибнет под ними белый город, и падающей звездой низвергается Камень вниз, и вновь все напрасно, пуста рука его...

Все труднее идти, будто пролитая кровь мешает двигаться, он задыхается, будто горе невинных сжимает его горло. Камни близко, но все дальше от него. Их свет меркнет. Из последних сил он протягивает руку, но останавливает ее на полпути.

«Нет».

«*Верный ответ, Дитя Мое*».

*Герб Элу Тингола (рисунок Толкина).

Валинор

Финрод и Амариэ пришли к нему во время цветения вишен. После месяца уединения новоиспеченных супругов ожидают многочисленные визиты – к родне и друзьям, и пока они навестили и погостили у всех родичей в Тирионе и Валмаре и нашли время для двоюродного брата, прошел добрый год. Но Маэдрос не жаловался, у него было много работы с обустройством на новом месте. Он долго выбирал это место, не север с печальными воспоминаниями о Форменосе, не Запад, где слишком много эльфов и слишком много света, не восток с вечным шумом долго помнящего обиды моря. В конце концов он пришел на юг, нашел эту уединенную лощину с веселым ручьем и небольшим озером, заросшую ясенями и буками, самшитом и можжевельником. Росли здесь и виноградные лозы, дававшие чудесные темные ягоды, из которых можно было делать сладкое вино. По берегам ручья расстилались мягкие луга с плакучими ивами и множеством цветов.

Сначала Маэдрос жил в шалаше из ветвей, потом построил большой деревянный дом. Ему приходили помогать Маглор, Эльданаро, Тьелперо с сыном, пришло несколько молодых тирионцев и даже двое тэлери из Альквалондэ, которые устроили на озере пристань и вырезали для Маэдроса небольшую лодку. Лодка управлялась шестом и была так легка и послушна, что Маэдросу иногда казалось, что она слушается его мыслей. Вполне возможно, так оно и было.

Ваниар, которых прислал король Ингвэ, привели Маэдросу корову и несколько овец, а также снежно-белых кур и золотисто-алого петуха. Принесли они ему и много разных семян. В окрестных лесах и полях водились кролики и олени, в озере плескалась рыба, и сын Феанора не знал ни в чем недостатка. Работать в саду он умел еще со дней юности, а другому быстро учился, иногда советуясь с ваниар, которые хорошо знали все растения и умели выращивать их едва ли не на голом камне. Впрочем, в пределах Валинора бесплодных мест не было, и советы ваниар больше касались того, как вырастить цветок или дерево с нужными свойствами.

- Посмотри, - Маэдрос показал Финроду цветок с золотой серединкой, алыми и оранжевыми лепестками. – Мне удалось вырастить его так, что красный и оранжевый сочетаются в одинаковой пропорции.

Уставшая Амариэ сидела неподалеку на берегу озера, и братья ходили по лугу, где Маэдрос выращивал свои цветы, одни.

Финрод улыбнулся.

- Ты все же нолдо до мозга костей, Майтимо, - он наклонился, рассматривая цветы поближе. – Да, точно, лепестков четное количество, красных и оранжевых поровну, и они чередуются, будто на вышивке.

- Именно так, а как же иначе? - Маэдрос был немного уязвлен. – Я старался.

- Ваниар бы сказали, - Финрод покачал головой, - что это нарушает гармонию живого, слишком уж все гладко... Везде должен быть небольшой изъян, говорят они, иначе это

больше похоже на мертвое, чем на живое.

- Тебе не нравится? – нахмурившись, спросил Маэдрос.

- Нравится! – Финрод со смехом хлопнул его по плечу. – Я ведь тоже «один из нолдор»*.

Маэдрос тоже улыбнулся.

- Правда, он похож на огонь? – спросил он, глядя на цветок. - Хочу назвать его «Пламя души», - он немного помедлил, потом все же сказал: - Как отца.

- Хорошее имя, - Финрод с беспокойством посмотрел на него. - Ты тут всегда один? Не трудно ли?.. - он запнулся.

- С одной-то рукой? - с улыбкой продолжил за него Маэдрос. - Нет, вы, скорее, случайно застали меня одного. Приходят... многие. Макалаурэ с Альдалотэ и... мама, - тут он немного застенчиво улыбнулся. - Из Тириона, из Валмара... Из Альквалондэ тоже. Помогают.

- И мы будем приходить, можно? - спросил Финрод.

- Конечно, я буду рад, - улыбнулся Маэдрос.

Финрод внимательно посмотрел на него.

– Ты не тоскуешь здесь? - спросил он.

Маэдрос постоял немного, прислушиваясь к себе, посмотрел на озеро, на свой дом, который стоял неподалеку от берега.

- Нет, - сказал он наконец. – Знаешь, когда я плыл сюда, я боялся... не только суда и наказания, не только раздоров, не только вражды, не только... Вечной Тьмы. Боялся, что даже если все как-то устроится, тут будет слишком спокойно, слишком благостно, слишком скучно. Как в тихом уютном *болоте*. Теплая водичка, мягкая грязь, лягушки вечером квакают...

Финрод звонко рассмеялся.

- Узнаю, – воскликнул он со смехом, - узнаю Первый Дом! Только буря, только натиск, только пламя до небес! Иначе вам скучно и плохо.

- Да, и я так думал раньше, - сказал Маэдрос, усмехнувшись. – Это меня даже в Эндорэ мучило. Когда был Долгий Мир, я, конечно, радовался, но иногда брал отряд и ехал чуть не к подножию Железных Гор, и там уж мы находили орков или еще каких тварей...

Финрод фыркнул.

- Да уж, удивительно, как у Моргота там еще остались какие-то твари, с вашими-то

наскоками! – Он посерьезнел и посмотрел Маэдросу прямо в лицо. – Так что же, ты теперь себя чувствуешь, как... в болоте?

- Нет, - Маэдрос покачал головой. – Я тут многое понял. Видения эти... которые я тебе рассказывал. Там ведь не было битв или этих... «великих свершений», о которых когда-то говорил отец. Там была просто жизнь. Просто дом, просто сад, просто жена, просто сын... - он вздохнул.

- Это верно, - задумчиво сказал Финрод, - хотя, пожалуй, и от «великих целей» не стоит отказываться. Иначе зароешься носом в землю, а гор и не увидишь.

Они помолчали немного, и Финрод осторожно спросил:

- А как... Сильмариль?

Маэдрос легко улыбнулся.

- Куда лучше, чем я думал. Я ведь раньше относился к нему, как к сокровищу, дорогому, ценному, но бессловесному, бездушному камню. А это был мой друг... брат. Я его вижу... иногда прихожу к Владыке Аулэ, ну, знаешь, в ту мастерскую, которая рядом с Огнем Глубин, - он улыбнулся шире. – Там меня привечают, все-таки Сильмариль – это не то, что Древа, не то, что Свет Варды, это нечто иное. И мы, сыновья Феанаро, лучше его знаем, чем даже сами Валар. Мы способны превзойти их... только раньше я думал, что это должно быть, как победа в поединке – ты или тебя, а сейчас понимаю – это должно быть превосходство ученика над учителем. Хороший учитель всегда будет рад за такого ученика. Вот и Валар рады за нас, а не гnevаются и не завидуют, как говорил отец. Но и Владыка Аулэ с аулендиями удивили меня – они открыли у Сильмарилья такие свойства, о которых я не знал. И, похоже, они правы, Сильмариль способен исправлять Искривление. Владыка Аулэ пытается сделать так, чтобы он исцелил землю, всю материю Арды. А моя задача – помочь ему.

Финрод улыбнулся.

- Вот и нашлась достойная «великая цель», а ты говорил... А у Макалаурэ дела как?

- Хорошо, хотя ему, пожалуй, похуже моего, - Маэдрос усмехнулся, - порой приходится чуть ли не на дно к Ульмо нырять, помогать с Сильмарилем Воды. Но он даже доволен, когда приходит к морю, то бродит по берегу и сочиняет свои песни... говорит, что море ему помогает, а Сильмариль слышит его.

- Вот и хорошо, - Финрод похлопал друга по плечу. – Куда лучше, чем можно было бы думать.

- Если бы я знал, - вздохнул Маэдрос, - что достаточно лишь сказать «нет». И Клятва, эта страшная угроза, тогда развеется, будто дым! И не будет никакого наказания, никакой Вечной Тьмы...

- Может быть, ты и всегда знал, с самого начала, - Финрод внимательно посмотрел на

него, - но не хотел этого признавать. Твоя гордость не хотела.

Маэдрос кивнул.

- Теперь я о другом думаю, - сказал он. – Я тут говорил с ваниар, и они сказали мне интересную вещь. Что они думают, они надеются, что наша Арда, Арда Искаженная, не сгинет без следа. Что все, что в ней было хорошего, останется, перейдет в Арду Возрожденную. Что вот это все, - он махнул рукой на свой сад и дом, - все это может остаться... - он замолчал.

- Ты это *видел*? – осторожно спросил Финрод.

- Нет, - Маэдрос вздохнул. – Всеотец скрыл это от меня, но *надеяться* мне никто не запретит, - он светло, но печально улыбнулся.

- Никто, - сказал Финрод серьезно, - никто у нас не отнимет этого: надежды.

- А пока я буду растить свой сад, чтобы он был достоин Арды Возрожденной, - сказал Маэдрос, гордо выпрямляясь, он стоял высокий, прямой на фоне заходящего солнца. – Клянусь, что... но нет, - он покачал головой, - нет! Обойдемся без этого. Клятвы закончились. Жизнь начинается.

*Имеется в виду материнское имя Финрода «Инголдо», «один из нолдор».